Вьюрки

Автор:
Дарья Бобылёва

Вьюрки

Дарья Леонидовна Бобылёва

Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой

Скрыться на время от безумия внешнего мира среди уютной зелени – мечта, сладкий сон… кошмар!

Что, если ты НИКОГДА не сможешь покинуть свою дачу?

Связи нет, дорога упирается в лес, соседи ведут себя странно, и лето – чертово лето! – никак не кончается…

Роман вошел в лонг-лист премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Интерпресскон» и получил премии «Новые горизонты» и «Мастера ужасов».

Дарья Бобылёва

Вьюрки

© Дарья Бобылёва, 2019

© Татьяна Веряйская, обложка, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Дачный ужас

У Дарьи Бобылёвой в литературе талант ведуньи – она вхожа в темную память самых обычных квартир, она чует морок в привычных отношениях, ей ведомы страшные тайны среднестатистических городских семей. Роман «Вьюрки» – вершина ее мистических вылазок на изнаночную сторону повседневности: цветущая книга о лете, превращенном в метафору забвения. Это книга дачных сказок, меняющих смысл идиллической летней картинки с грядками, рыбалками, прогулками по грибы, добрососедскими дружбами и сплетнями, дачными романами и загородным детством.

И прежде всего этот роман переворачивает смысл слова «соседи» – потому что соседями жителей дачного поселка Вьюрки внезапно оказываются чужаки, вторженцы, которых разглядеть, опознать и назвать по издревле знаемым именам способен только один человек – рыбачка Катя, молодая девушка со странностями и непростой семейной историей.

Дарья Бобылёва написала фольклорный триллер, в котором водяные, лесные, домовые сущности не выглядят такими уж нелюдями в сравнении с дачниками, готовыми извести друг друга за компост и сорняк, по навету или от тоски. Роман «Вьюрки» – книга остроумных колдунств, показательных превращений, сказочных квестов, за которыми, однако, чувствуется грусть и сожаление, которые рождаются от беспристрастного наблюдения и тонкого понимания людей. В своем волшебном летнем романе Дарья Бобылёва выступает внимательным реалистом и нравоописателем – во всем, что касается человеческих отношений.

Этот роман поэтому можно читать на нескольких уровнях. Как яркую копилку летних впечатлений, с которой приятно заново пережить самые беззаботные недели года. Как страшную сказку с загадками, показывающую дачную жизнь с

той стороны, какая не видна человеческому глазу. Или как психологическую притчу о том, что делают с человеком подавленная обида, скрытое недоброжелательство и тайный страх, когда он теряет над ними контроль.

В романе Дарьи Бобылёвой человек – самовозгорающаяся спичка, которая только ждет, чтобы чиркнуть о магическую черту. Если у этой сказки есть мораль, то она в предупреждении, как не заклясть, не вывернуть наизнанку, не подменить лесным ужасом собственную жизнь.

Валерия Пустовая

Исход Валерыча

За Валерычем увязался Никита Павлов и не отставал долго, до самого поворота. Все отговаривал, размахивал длинными руками, а физиономия его, сохранившая алкоголическую отечность, аж вспотела от серьезности ситуации.

– Иди-ка ты знаешь куда, – отечески похлопав Никиту по плечу, сказал наконец Валерыч.

Далеко не все во Вьюрках знали, как и звать-то Валерыча на самом деле: Валерьевич он или просто Валерий, а может, даже и Валерьян. Был он пожилой, косолапый, основательный. Участок здесь получил еще отец Валерыча, военный в солидном звании. Но при нем участком не занимались, использовали под картошку, да и то не каждый сезон. Отец предпочитал санатории, и слово это до сих пор вызывало в памяти Валерыча зыбкие тени пальмовых лап и мраморной лестницы на желтом фоне. Потом доступ к санаторной роскоши закрылся, а вскоре после этого Валерыч унаследовал огороженный пустырь во Вьюрках и решил, что будет у него тут родовое гнездо, место семейного отдохновения. Денег для воплощения дачной мечты, правда, не хватало, но Валерыч был рукастый и упорный и обладал вдобавок даром так приспособить в хозяйстве какую-нибудь неожиданную вещь, что все потом восхищались его смекалкой. И росла архитектурно непредсказуемая, но крепкая дачка, строясь бог знает из

чего, включая списанные шпалы. Дорожку к дому, песком посыпанную, Валерыч отделал зубчиками из ломаного кирпича, беседку соорудил из каких-то арматурин, которые быстро оплелись девьим виноградом и обрели культурный вид. На грядках, которые Валерыч обустраивал с рулеткой и чуть ли не с уровнем, все произрастало ровными шеренгами, и не смела свекла затесаться, скажем, в петрушку, а тыква – распластаться среди капусты.

Только родовое гнездо не получилось – открылся доступ к другой роскоши. Дети катались по заграничным пляжам, и единственную внучку, ради которой Валерыч растил лучшую клубнику сорта «Королева Елизавета», мотали с собой. Но Валерыч все равно переселялся во Вьюрки с весны, достраивал, возделывал и ждал, когда дети поймут наконец, что дача – это гораздо лучше, чем сидеть в своем огороженном «олл инклюзиве», как на зоне.

За поворотом дорога шла вдоль реки Сушки, и Никита отстал из-за этого в первую очередь, а вовсе не из-за того, что был послан в известное место. А Валерыч отправился дальше. Красное лицо его от спокойной решимости стало даже красивым, как у старого капитана.

На реку он старался не смотреть. Изучал одуванчики под ногами, торящих свой слизевой путь улиток. Заметил пробивший полупесчаную, не подходящую совсем почву подберезовик – с мизинец, а уже шляпка раскрытая, натуральный лилипут. Нагнулся к нему машинально, хмыкнул – и скользнул случайно взглядом по берегу, на котором темнела сгорбленная фигура. В груди скакнуло, и Валерычу показалось на миг, что он не может уже отвести глаз, тянет оно его, требует рассмотреть, удостовериться – и испугаться уже окончательно. Было в этой фигуре что-то лишнее, нечеловеческое, будто она готова была в любой момент изломиться пополам, вывернуться, побежать к Валерычу на ломких многосуставчатых лапах…

И тут у Валерыча на глазах силуэт растворился, разошелся на корягу, тень от ивы и болтающийся на ветке пучок увядших водяных кубышек, который и добавил живого движения. Валерыч ругнулся и запустил в пугало подберезовиком. У берега слабо хлюпнуло.

Кого ему, в конце концов, было бояться? Что эти, из реки, могли сообщить ему такого, чего он не знал? Валерыч достал заготовленные беруши – строительные,

из тех, что валялись в одном из шкафов про запас, – ввернул в уши и пошел дальше. Вдоль реки и пройти-то надо было совсем немного.

Валерыч помнил, когда и как все это началось. В конце июня, двадцать первого числа, – как раз на летнее солнцестояние. Предзнаменований никаких не наблюдалось: ни аномальных природных явлений, ни предчувствий, ни необычного поведения домашних животных. Разве что накануне вечером Светка Бероева, обитательница самого большого во Вьюрках дома, прилюдно наорала на няню своих детей Наргиз. Наргиз забыла завести часы с боем, чинно, по-европейски сзывавшие семейство к столу, и в итоге дети Бероевых, чернявые мальчики-погодки, поужинали не вовремя. А у Светки все, связанное с детьми, было по строгому, полезному для здоровья расписанию. Наргиз возражала, что завела она эти часы, как обычно, – они просто старые и, наверное, сломались. А потом ляпнула, что поужинать на полчаса позже – это нестрашно.

– Были бы у вас свои дети, вы бы понимали! – крикнула в ответ Света, умудрившись даже на повышенных тонах сохранить демонстративно уважительное обращение, и захлопнула наконец калитку, после чего увлеченные скандалом дачники вновь склонились над своими грядками.

А Наргиз повела детей гулять перед сном, и ее гладкое, как яичко, лицо было непроницаемо, только губы шевелились – бормотала что-то на своем языке.

Валерыч скандал, конечно, тоже послушал, но без особого интереса – он поливал кабачки. Да и остальные соседи, хоть и были по большей части людьми советской, антиэксплуататорской закалки, отнеслись к Светкиному визгу снисходительно. Недолюбливали дачники Наргиз – за то, что понаехала, за тихую непонятливость, за акцент, самые обычные слова порой превращавший в бесформенные комки звуков. А Светку, как ни странно, жалели. Деловой человек Бероев, построивший во Вьюрках целую кирпичную виллу и покупавший Светке всякие сказочные вещи, считался в садовом товариществе кем-то вроде Синей Бороды. Первая жена его просто пропала – однажды он приехал в летние владения без нее, а расспрашивать молчаливого Бероева никто, конечно, не стал. Со второй, родившей дочку, он, по сведениям дачниц, без затей развелся, но обделил при разводе сильно: ничего почти не оставил прежнему семейству. Во Вьюрках считали, что зря Света ходит королевишной, зря считает, что получила обеспеченного – неизвестно, чем дело кончится. А Света действительно ходила гордая, поправляя невесомые очки на тонком носике и

изящно перебирая глянцево-гладкими ножками.

Потом Света простила Наргиз и даже одарила умеренно крупной купюрой – об этом Валерыч узнал от гуляющих вдоль забора соседок, которые лениво обсуждали хоть какое-то, но событие. Валерыч закончил полив огорода и пошел перекусить, а за ужином заметил, что его часы последовали примеру бероевских и встали. Подкрутил – молчат, и конденсат на стеклышке собрался. Валерыч положил часы у печки в надежде, что просушатся и оживут, и решил укладываться – пока дачный душ наладишь, пока почитаешь…

Потом, придирчиво разбирая предшествующие события на фрагментики в надежде хоть что-нибудь эдакое там найти – не считать же предвестниками сломавшиеся часы и скандал у Бероевых, – Валерыч вспомнил, что ночью его вроде как разбудил какой-то звук снаружи, громкий и тугой. Даже уши заложило. А может, странный звук Валерычу приснился по причине заложенных ушей. А может, все причудилось, и не просыпался он той ночью вовсе.

Дорога вдоль реки наконец кончилась – точнее, привела Валерыча к забору, некогда ограждавшему Вьюрки от внешних беспокойств. Валерыч огляделся – кругом покачивались травяные метелки, на берегу кропили мелкими слезами плакучие ивы. На угловой даче, почти не видимой за живой изгородью, деловито стучали тяпкой. Валерыч откашлялся зачем-то и начал раздеваться, аккуратно складывая на траву штаны, дачную рубаху с нехваткой пуговиц, трусы. Согласно его не то чтобы очень оформленной, но требовавшей решительных действий теории, все, что побывало здесь, могло ему помешать. Он, правда, и сам пробыл здесь изрядное количество времени, но одушевленная материя, безусловно, имела иные свойства. Главными из которых, по мнению Валерыча, были воля и разум. Насчет ушных затычек Валерыч задумался, а потом все-таки оставил их: в любой момент можно выкинуть, да и маленькие они, незначительные совсем.

Голый Валерыч был многоцветен – от белоснежного до сизо-багрового. Вид он теперь имел не браво-моряцкий, а мягкий, уязвимый, как выломанная любознательным мучителем из панциря улитка. Неожиданно для себя размашисто перекрестившись, Валерыч отодвинул засов, толкнул створку ворот и шагнул наружу.

За воротами был обычный пригородный пейзаж: желтое от сурепки поле, по правую руку – река, на горизонте впереди топорщился лес, а по левую руку, довольно далеко, – коттеджный поселок, на строительство которого в свое время дорожившие своим уединением вьюрковцы сердились.

Валерыч отломал от согнувшегося у самых ворот дерева палку и пошел налево, к поселку.

Тогда, утром, его разбудил женский вопль. Окончательно, что ли, Света свою Наргиз убить решила, подумал Валерыч спросонья. А вопила действительно Наргиз – это Валерыч понял, когда вслушался. По-восточному тоненький голосок надрывался:

– Дорога ушла!

О как, подумал Валерыч, спятила все-таки. И сложно сказать, отчего это «все-таки» добавилось.

А когда Валерыч, неторопливо сделав гимнастику и позавтракав, вышел из своей дачки, на пятачке за забором уже топтались люди. И Бероевы тут были, и Никита Павлов, тихий молодой алкоголик, и непримиримый, всегда будто готовый прыгнуть на собеседника пенсионер Кожебаткин, и председательша Клавдия Ильинична, плавная и величественная, и другие дачники.

– Молоко привезли? – подойдя к забору, спросил Валерыч у стоявшего ближе других Кожебаткина.

– А черт их знает! – тут же распалился Кожебаткин. – Говорят, выезд перекрыли!

– Нет его, выезда, – тихо сказал Никита.

– Я и говорю! – подался к нему Кожебаткин.

От гомонящей толпы дачников то и дело отсоединялась то одна, то другая группка и уходила по дороге к главным воротам. Потом возвращались, растерянные, молодежь гоготала в возбуждении, гул голосов усиливался.

Происходило что-то совершенно непонятное.

Валерыч некоторое время колебался – пойти открыть парник с помидорами или все-таки глянуть сначала, из-за чего так взволновались Вьюрки, – и выбрал второе.

Вьюрки, как всякое садовое товарищество, были поделены на несколько улиц с благостными названиями: Лесная, Рябиновая, Вишневая. Улицы впадали одна в другую и имели общий выезд к главным воротам, за которыми уже шла проселочная дорога, и далее трасса, и далее широкий путь к городской цивилизации. Места были живописные: лес, река, маленькая и мутноватая, но зато с плакучими ивами, и с мостками прямо из деревенского детства, и с церковкой на том берегу, на пригорке. И, кроме того, с красноперкой, плотвой и лещами, которых Валерыч успешно ловил на донку, когда хотелось почувствовать себя добытчиком.

О том, что надо бы поставить донку на леща, Валерыч и размышлял, когда вместе с другими дачниками прошел мимо поворота к выезду из Вьюрков. Точнее, мимо места, где поворот прежде существовал.

Потому что теперь его не было.

Валерыч вернулся на десяток шагов и, внимательно смотря по сторонам, снова направился к повороту.

Вот дача Тамары Яковлевны, старушки-кошатницы, которая вечно забывает повернуть вентиль, и вся улица сидит без воды, потому что дача Тамары Яковлевны – последняя перед водокачкой. Вот, собственно, водокачка, за ней должен быть поворот к выезду, дальше еще одна улица, Лесная, – потому что идет мимо общего забора, за которым уже лес…

За водокачкой сразу начиналась улица Лесная, безо всякого поворота. Причем смотрелось это так обычно, так естественно, будто поворота никогда и не было. Домик Тамары Яковлевны – водокачка – синий домик на улице Лесной. Там жило небольшое семейство, Валерыч в лицо их знал, а по именам не помнил. Овчарок держали, одна незаметно сменяла другую, и все звались Найдами…

Какие овчарки, разозлился на свои еще сонные, еще размеренные мысли Валерыч и снова вернулся назад, и снова проделал тот же путь в тупой и требовательной надежде, что поворот все-таки появится, как-то нарастет обратно. Но он не появился. Как будто из окружающего пространства вырезали кусок и снова сшили, да так удачно, что не осталось ни шовчика, ни морщинки. Будто главные ворота, которые было прекрасно видно вот с этого самого места, дачникам причудились.

Голый Валерыч остановился, опираясь на палку. Воздух как назло так и наливался жарой. Валерыч, хоть и намазался еще в даче солнцезащитным кремом, чувствовал, как болезненно стягивается кожа на плечах. У него не было ни кепки, ни воды с собой – это противоречило теории, что все, побывавшее в проклятом месте, мешает. Может, тот самый крем, впитавшийся в кожу вместе с вьюрковским проклятием, и был виноват в том, что по скромному полю с сурепкой, мотыльками и коттеджным поселком на краю Валерыч шел уже часа четыре.

Сначала ведь все уходили в одежде, а то и уезжали на машинах, не подумавши, никакой теории не успев родить. Как тот строитель, безымянный смуглый человек в вечной вязаной шапке, который вместе с двумя-тремя собратьями пилил и стучал на одном из участков. Он, сказав что-то протяжное и малопонятное, перемахнул через забор и оказался в лесу, обступавшем Вьюрки. Дачники смотрели на него через ржавую сетку тревожно и молча. Он сделал несколько шагов по мягко пружинящей хвое, наступил с хрустом на пивную банку – лес был вьюрковцами изрядно замусорен, и внезапные помойки возникали в самых неожиданных местах. Дальше начинался малинник, а потом уже тяжело покачивающиеся елки. Строитель посмотрел на дачников и растерянно улыбнулся.

Лес, исхоженный и загаженный, казался совсем темным, и место первопроходец выбрал неудачное, ни одной тропинки не было видно.

– Давай обратно! – крикнул вдруг нервный с похмелья Никита Павлов. – Мало ли! Чего ты полез-то сразу?

Судя по тому, как радостно закивал смуглый человек, он ничего не понял. И пошел прямо через малинник, путаясь в гибких зеленых ветках. Потом вязаная шапка замелькала в еловом сумраке. Потом скрылась за очередным серым от лишайника стволом. Человек растворяется в лесу незаметно – вот шел совсем рядом, с треском продираясь через кусты, и вдруг пропал, и наступила тишина.

Никто, конечно, не остался его ждать у забора. Как раз прикатил на велосипеде, подняв тучу пыли, Антошка Аксенов и протараторил, что «через Тамару Яковлевну» решили не лезть, там тоже лес и не видно ничего, и вообще черт его знает, зато вторые ворота, старые, на месте и все с ними в порядке.

Это были те самые ворота, через которые совершил свой исход голый Валерыч. Ими пользовались раньше, пока до Вьюрков не добралась асфальтовая дорога.

Никогда прежде вид на поле, реку и нелюбимый соседний поселок не вызывал у дачников столько радости и облегчения. Пока прибывавшая толпа вздыхала и делилась друг с другом скудной информацией о происходящем, семейство Аксеновых снаряжало свой джип. Семейство Аксеновых было шумное, спортивное и позитивное, они вечно то в турпоходы ходили, то отправлялись на своем джипе кататься по России и заграницам.

– Сейчас разберемся! – зычно выкрикивала тяжелая книзу, как груша, Наталья Аксенова. – Сейчас все выясним!

Дачники наперебой давали советы, что Аксеновым делать: доехать до коттеджного поселка и там у кого-нибудь спросить, или ехать до деревни, что подальше, потому что поселок только строится и наверняка там одни гастарбайтеры, что у них узнаешь. Или объехать Вьюрки, найти дорогу до трассы и на трассе у кого-нибудь спросить, или поискать человека с работающим мобильником и спросить по мобильнику… Что спрашивать – не уточняли, потому что волновавшие дачников вопросы «куда делся поворот» и «что за странные вещи творятся во Вьюрках» звучали пока еще даже для них диковато.

Валерыч мобильником пользовался редко, у него был стариковский, с обычными кнопками и крупными цифрами. Он даже не взял его со стола, когда отправился блуждать по улицам с остальными озадаченными вьюрковцами. И только потом,

от тревожно вглядывающегося в свои гаджеты молодняка он узнал, что ни у кого нет ни Сети, ни Интернета. Смартфоны, без которых младшие поколения дачников даже в туалет не ходили, а может, и не знали, как сходить туда правильно без советов из Сети, ослепли и оглохли. Но во Вьюрках такое иногда случалось само собой – Сеть то «сдувало», то «надувало» обратно.

Бодро и шумно Аксеновы вместе с Антошкой загрузились в машину, заляпанную наклейками, и, поревев и побуксовав исключительно для эффекта, покатили по неасфальтированной дороге вдоль реки. На тонированном заднем стекле подпрыгивала надпись «На Берлин!». Вскоре облачко оставленной Аксеновыми пыли только угадывалось вдали. Ехать до соседей было всего ничего, и кто-то особо глазастый даже утверждал, что видит какое-то движение среди игрушечных отсюда коттеджей.

Потом из Вьюрков ушел молчаливый мужик Саня – перелез через забор примерно в том месте, где раньше был поворот, а теперь загадочно темнел лес. Потом – семейство с Лесной улицы, они взяли с собой овчарку Найду: собака, мол, точно выведет, если вдруг заблудятся. Потом выехал к воротам в поле Бероев, но Светка подняла визг еще громче вчерашнего и колотила кулачками по его большому белому автомобилю, пока Бероев, матерясь, не сдался и не согласился ждать Аксеновых.

А вот кто первым вернулся… Солнце гремело в голове Валерыча багровым колоколом, и он, усевшись на колючую траву, начал вспоминать, чтобы отвлечься от жажды и перегрева, – кто же тогда вернулся и вел ли себя подозрительно. Кажется, это все-таки была пара собаководов – нюх животного они не переоценивали. Да, точно, они, и казались вполне нормальными, хоть и перепуганными.

Они вернулись вечером следующего дня, когда недоумение дачников уже перешло в смятение. Выбраться они пытались через лес, потому что в поле Найду выволочь не удалось, она отчего-то очень протестовала. Пришли собаководы грязные, исцарапанные, раздувшиеся от комариных укусов и оцепеневшие какие-то – наверное, от усталости. Жадно ели и пили, глядя в тарелки, на вопросы отвечали вяло. Одна овчарка была радостная, лупила хвостом по ножкам стола – она ведь вывела, справилась. А хозяева рассказали, точнее, из них буквально клещами вытянули, что в лесу они заблудились, никакой дороги так и не нашли, попали в непролазную чащу: шли целый день и

забрели, видимо, бог знает куда. И все ходили, ходили там кругами, возвращаясь на то же место, а потом велели собаке искать дом, и она в конце концов их вывела обратно. Ночевать пришлось прямо под деревом, хорошо, что лето. Они все надеялись, что услышат машины или реку и иногда вроде бы слышали что-то – но везде оказывался лес. Это рассказывал муж, печальный и бородатый. И поглядывал на жену, а та молчала и кивала, поглощая гречку с тушенкой. Вот, вот что было в их поведении подозрительным, понял Валерыч и пожалел, что никому в поселке не успел об этом сказать.

Счастливое возвращение произвело на вьюрковцев гнетущее впечатление. Тем более что супруги уходили в строго заданном направлении – к дороге, по компасу. Никита Павлов залезал сначала на крышу сторожки, но ничего не разглядел, потом забрался, насколько смог, на самую высокую ель и объявил оттуда, что все по-прежнему – река, лес, поля с рощами на том берегу, а дальше не видно. Никита спустился расстроенный, сказал, что обзор плохой. Тогда прикинули примерное расположение дороги и вручили собаководам компас. Вернулись те уже без него, печальный муж объяснил, что потеряли во время блужданий.

Вернулся строитель – осталось, правда, неизвестным, был это первопроходец или кто-то из отправившихся его искать товарищей. В ответ на расспросы молчал и непонимающе хлопал глазами. Вернулся Никита Павлов, который впадал во все большую тревожность и наконец попытался покинуть Вьюрки через поле, привязав к забору кончик бельевой веревки, а с собой взяв оставшийся моток. Веревка довольно быстро кончилась, и Никита тут же пошел по ней обратно. Вернулся мокрый от пота и в твердом убеждении, что коттеджи, пока он к ним шел, не приблизились ни на метр, а веревка странно подергивалась.

Вернулся приятель Валерыча, Витек, хотя лучше бы он не возвращался…

А вот Аксеновы пропали бесследно, и компания студентов, неудачно приехавшая на шашлыки и рвавшаяся обратно на учебу, пока не отчислили, тоже ушла неизвестно куда. И Саня, который, между прочим, должен был Валерычу тыщу. Да, кажется, именно после Сани дачники и начали исчезать регулярно, уходили с отчаяния кто в лес, кто в поле, надеясь, что именно их ждет та единственная верная дорога или что пропавшие на самом деле нашли выход в мир, от которого скрыла Вьюрки неведомая аномалия. На общих собраниях председательша даже пыталась проводить переклички, но все быстро

запутались – кто пропал, а кто еще до исчезновения выезда уехал или не приезжал вовсе, – и в документах была неразбериха, да и уж очень тоскливо становилось от этого лагерного выкликания: «Молостова! Орлов!»

А еще пропала Наргиз. Но уже по-другому.

На расписание дня детей Бероевых происходящее во Вьюрках не имело никакого влияния. И по-прежнему Наргиз, у которой теперь был гораздо более несчастный вид, водила их утром и вечером гулять – круг по улицам, потом на реку, где была обустроенная самими вьюрковцами детская площадка, и домой.

Вечером Наргиз с детьми не вернулись вовремя. Света Бероева, решительно шлепая тапками, обежала поселок и спустилась к Сушке, где и обнаружила мальчиков, задумчиво покачивающихся на качелях.

– А где Наргиз? – с облегчением обняв детей, спросила Света.

Старший показал на реку.

Света удивленно посмотрела туда. Буроватая вода лениво ползла вдоль зарослей осоки, неся на себе водомерок и уток. Неуклюже сплетенная гирлянда из желтых водяных цветов свисала с ближайшего куста – ребятишки, наверное, постарались. Никаких признаков Наргиз на берегу не было.

– Купается?

Мальчики замотали головами и прижались к матери.

Света позвала Наргиз раз, другой и, так и не дождавшись ответа, поспешно увела детей. Наргиз с тех пор никто не видел. И не знал, что все только начинается.

По счастью, после пропажи Аксеновых, студентов и Сани, а также всех смуглых строителей, упрямо и угрюмо уходивших искать друг друга, никто не попытался покинуть Вьюрки вплавь или на лодке. Вода, как дополнительное препятствие

на и без того обросшем некими загадочными трудностями пути, смущала дачников. Хотя они далеко не сразу поняли, что река стала другой. То есть она, как и лес, и само дачное товарищество, сохранила видимость прежней, с комарами и рыбьими шлепками, но тоже приобрела странные посторонние свойства. А когда эти свойства обнаружились, вьюрковцы еще долго не решались к ней приближаться. Только потом, значительно позже, подтянулись за добычей пара глухих дедов-рыбаков и чудаковатая девица Катя, тоже поклонница рыбалки. Которая не только этим, но и всем образом летней своей жизни всегда вызывала у Валерыча вопросы.

К Наргиз, когда она еще была, тоже возникли вопросы у Тамары Яковлевны и ее подруги Зинаиды Ивановны. Обычно они сидели вечерами у Тамары Яковлевны и смотрели по телевизору передачи про народные средства, родовые проклятия и порчу. И вот, когда в день исчезновения дороги драгоценный телевизор показал вместо любимого канала серую рябь, опечаленные пенсионерки, все обсудив и взвесив, решили, что это наверняка обиженная Светкой Наргиз прокляла Вьюрки каким-то восточным проклятием. Предположение было не более странным, чем все происходящее вокруг, и старушки даже ходили к Наргиз прощупать почву. Они потом говорили, что интересовались очень деликатно, но Светка Бероева была иного мнения и объявила им, что вот, дощупались до того, что затравленная Наргиз, видимо, бросилась в Сушку и теперь детей оставить не с кем. А может, просто уплыть решила от Светки и бероевских щенят, когда закралась в голову мысль, что она теперь к ним навеки прикована, подумал Валерыч, глянул вверх в надежде увидеть хоть одно облако, способное затенить полыхающее солнце, – и увидел странное.

Солнца вообще не было. Небо от края до края затянуло чем-то белым, перламутровым, как нежный испод двустворчатых беззубок, которые водились в Сушке в изобилии. Валерыч в первую секунду даже обрадовался – вон сколько облаков нагнало, – а потом понял, что это не облака. Это сам небосвод побелел, и по нему раскаленным северным сиянием пробегали перламутровые переливы. В лицо Валерычу дохнуло жаром – точно горячим песком хлестнуло по глазам, запершило в горле. А над поникшими травяными верхушками заволновалось, заклубилось прозрачное марево.

Не отпускают, понял Валерыч, напугать хотят. Он ухватился за палку, постоял немного, борясь с головокружением. И зашагал дальше, цепляясь за нити своих прежних смутных размышлений, лишь бы не думать ни о жаре – невыносимой, трескучей, – ни о белом небе. Когда идешь куда-то один, не в городе, среди

говорящих людей и орущих вывесок, а вот так, действительно один – всегда бормочется что-то само по себе в мозгу, так что давай, давай, бормочи…

…что прикована к ним навеки. Ерунда, никто тогда не думал, что навеки, какой нормальный человек решит, что происходящее – навеки, особенно если черт знает что творится.

Председательша Клавдия Ильинична, бледная, но вид имевшая все такой же величественный, устроила у сторожки, возле отрезанного неизвестным явлением поворота, всеобщее собрание. Объявила, что надо держаться и сохранять спокойствие, помогать друг другу по возможности и не пытаться покинуть территорию Вьюрков до прояснения ситуации. Дачники по годами наработанной инерции подняли гвалт, который обычно поднимали по поводу тарифов и неплательщиков: кто прояснит, как прояснит. На что Клавдия Ильинична с достоинством отвечала, что раз случилось такое явление, такое, поправилась она, необъяснимое бедствие, из-за которого полностью отрезанным от цивилизации оказалось большое количество людей, то наверняка уже работают соответствующие службы, и предпринимаются меры, и сюда доберутся, к примеру, на вертолетах и окажут помощь.

– Снаружи? – спросила крашенная в черный девчонка Юлька, балансировавшая чуть поодаль на своем велосипеде.

Клавдия Ильинична наградила Юльку строгим учительским взглядом и ничего не ответила. А дачники затихли, встревоженные метавшимися в их головах многочисленными «а если?».

– Товарищи, у нас есть электричество, а это значит, что снаружи… – еще один взгляд в сторону Юльки, – …все в порядке. Надо просто потерпеть. Наверняка уже предпринимаются конкретные действия, а нам нужно ждать, – сказала Клавдия Ильинична. Гладко так сказала, окончательно обретя прежнюю уверенность, точно вырулила после мучительных блужданий на проторенную дорожку.

Воздух трещал, точно над головой тянулась бесконечная ЛЭП, и наливался жаром. Валерыч чувствовал, как вздуваются на обожженной коже первые

волдыри. Губы уже не расклеивались, а тяжелый и шершавый язык как будто заполнил собой весь рот. Даже глаза пересохли, и он приподнимал веки только изредка, чтобы понять, куда идет. Поле, у которого не было ни конца ни края, и раскаленное небо вспыхивали перед ним и тут же снова тонули в багровом, пронизанном пульсирующими жилками сумраке.

И во время одной из таких вспышек Валерыч увидел реку. В очередной раз загадочным образом переместившись, теперь она морщилась рябью прямо у него за спиной. Под закрытыми веками продолжали сиять выжженные на сетчатке точки от бликов на воде. И обещанием сладковатой прохлады осел в носу и во рту почти призрачный запах реки – пахла она, как всегда в жару, холодным арбузом.

Валерыч бросил палку и побежал к воде, хрипя сквозь стиснутые зубы. В конце концов, он ведь был надежно заткнут берушами.

У реки даже дышалось легче. Валерыч неловко спустился по осыпающейся глинистой земле, выматерился, когда его куснул в пятку зеленый осколок пивного стекла, вмурованный в берег. Сидели же тут раньше люди, нормальные люди, пили, били бутылки. И мусор раньше валялся по всему берегу – прогоревшие мангалы, бумажки, пакеты, окурки. Куда вы дели весь мусор, чуть не заплакал от негодования Валерыч, нормальный человеческий мусор, чем он-то вам помешал, твари вы проклятые, уборщики, чистильщики, хотите, значит, чтобы и следа от прежней жизни не осталось? Уцелевший бутылочный осколок казался чудом, и Валерыч готов был простить ему раскромсанную пятку за одно только напоминание о том, что действительно было время, когда из Вьюрков можно было беспрепятственно уйти, а сюда, на берег реки Сушки, приезжали люди, веселились, ели шашлыки, из машин лилась, как теплая водка, душевная музыка…

Валерыч торопливо полакал речной воды, отдававшей торфом и навозом. Побрызгал на стянутую ожогами кожу, но даже не почувствовал капель: они будто испарились, как с горячей сковороды. Пытаясь хоть немного охладиться, Валерыч опустил в воду ступни. Верхний слой был противно теплым, в нем плыли, щекоча раскаленные ноги Валерыча, веточки и крепко закрывшие створку раковины прудовики. Пришлось, хромая, войти по колено. Пальцы залепило мягким илом, боль в порезанной пятке почти стихла, и снизу мурашками побежала такая прохлада, такая немая телесная радость, что лицо

Валерыча опять смяла слезливая гримаса. Он забил по воде ладонями, заплескался по-утиному. А ведь это было опасно, это было строго-настрого запрещено, и он сейчас, наверное, погибал уже. «Почему я не имею права искупаться в жару, почему у меня отобрали невинное летнее удовольствие», с растущим свирепым отчаянием думал Валерыч. Он огляделся, призывая в свидетели творящегося беззакония ивы, осоку, прудовиков, благословенный бутылочный осколок…

И увидел, как по полю, бесшумно пожирая траву, катится прямо к Сушке, к нему стена ослепительного белого огня. А в самой ее сердцевине уже не огнем, а солнечной плазмой полыхает огромный человекоподобный силуэт.

После секундной паники Валерыч догадался: это небо упало на землю. Конец света пришел в пламени бледном, опиум для народа наконец подействовал, и архангел вострубил – а он просто не услышал через беруши. Нет больше ни Вьюрков, ни коттеджного поселка, ни поля, и никуда он не уйдет, потому что осталась от целого мира одна река Сушка, пропахшая торфом и навозом. И еще одно Валерыч, будучи убежденным материалистом, понял сразу: спасение от карающего огня он найдет только в милостивой воде.

Утопая ногами в бархатном иле, он забредал все глубже и глубже.

– Толька, – отчетливо услышал он сквозь беруши. – Толька, болдырь, ну зачем ты это, а?

Жена Антонина. Дура деревенская, изо всех сил изображавшая на людях городскую барыню и уж лет десять как избавившая Валерыча, который действительно Толька был, Анатолий Валерьевич, от своего крикливого присутствия.

– Толька, ну куда ж ты поперся. Вот же бестолочь, своей головы нет, что ли. Ну иди сюда, иди. Пожалею, – уже ласково выговаривала мертвая жена.

– Тебя еще не хватало, сука! – взревел Валерыч и забил по воде руками, и поплыл прочь от белого пламени, от Вьюрков, от проклятой Антонины – в другой мир, на тот берег. Он был совсем близко – обрывистый, нормальный, с зеленой стеной крапивы вместо белесой стены огня.

Что-то быстро пронеслось под водой навстречу и разбилось о проплывающую рядом корявую палку, оказавшись всего лишь узкой полоской ветра. Валерыч выбрасывал вперед руки, всхлипывая и хрипя, а бесконечная, пахнущая торфом и арбузом река не отпускала его, облепляла холодом бока и живот, лезла в ноздри. Он ждал, когда же все уже закончится, но продолжал грести, впившись взглядом в зубчатое крапивное кружево на том берегу. Руки и ноги гудели, схваченный ртом воздух еле пробивался сквозь тягучую слюну и тут же со свистящей болью вырывался обратно, и Валерыч испытал почти облегчение, когда его схватило и резко дернуло вниз. Он уже ничего не видел, но знал, что это она, Антонина, – раздутая, с вытаращенными глазами, похожими на два крутых яйца, лицо сине-белое, все в ниточках водорослей, а с уха кокетливо свисает щучья блесна. Кожу ее, дряблую, нежную, как подпорченный персик, Валерыч и на ощупь ни с чьей другой бы не спутал. Обдав забурлившего, забившего в последний раз ногами Валерыча всепроникающей рыбьей вонью, Антонина мягко обняла его за плечи и утянула вниз, в темную прохладу.

Цветущая сурепка покачивалась на ветру как ни в чем не бывало, на горизонте топорщился лес, крохотные коттеджи с одинаковыми бурыми крышами усыпали обнесенную забором возвышенность, точно недавно проклюнувшиеся грибы-боровички. Порыв ветра взъерошил водную гладь, по которой еще расходились круги, пробежал по траве, стукнулся в грязно-зеленые ворота с табличкой «СНТ Вьюрки», точно проверяя, надежно ли они закрыты, и они качнулись с еле слышным скрипом.

Витек

Витек, безвозрастной жилистый мужик, жил в крайнем доме по Рябиновой улице, через забор от Валерыча. Дача у Витька была деревянная, дедовская еще, но крепкая. И там, и в огороде вечно суетилась неприметная Витькова супруга, тетя Женя: подметала, полола, чистила, даже прибивала и красила, балансируя на вершине скрипучей стремянки. Витек же обитал преимущественно во флигеле, где была оборудована дачная кухня. Здесь у него было все необходимое: холодильник, радио, стопка старых журналов и диванчик. А на плиту периодически водружалась краса и гордость – самогонный аппарат фабричного производства, на который как-то скинулись Витьку на день

рождения изобретательные сослуживцы. Это был один-единственный раз, когда с подарком они угадали. Витек возился с аппаратом любовно, как автомобилисты старой школы со своими «ласточками»: сам мыл и протирал, загружал сырье, к выбору которого подходил с неожиданной фантазией, внимательно следил за процессом и сам, в одиночестве, снимал первую пробу. После пробы что-то тяжелое просыпалось в Витьке, начинало ворочаться и требовало выхода, выносило его из флигеля, гоняло по участку: то к туалету, где опять не было бумаги, то к яблоням, отяжелевшие ветки которых опять забыли подпереть. И все дороги вели к тете Жене, которая вечно находила себе кучу бесполезных дел, а вот за нужные не бралась до последнего. Конечно, гораздо важнее рассортировать пакеты или сшить из тряпок новый, третий уже, коврик на веранду, чем проследить, чтобы было чем подтереться. Багровый, пыхтящий Витек напряженно бродил за ней, а она делала вид, что не замечает, металась между разными точками своей мелкой кипучей деятельности, но в итоге не выдерживала:

– Опять надрался!

И Витек вставал на дыбы. Все мутное недовольство тощей, надоедливой женой, ее пресным запахом и выражением бестолковой озабоченности на лице бросалось ему в голову. Наставив на нее указующий перст, он рычал:

– Ты-ы…

Тетя Женя пыталась ускользнуть, но Витек ловил ее, тряс, хватал за руки и опять:

– Ты-ы-ы…

В конце концов над забором возникала голова Валерыча, который все прекрасно слышал. Прогудев что-то укоризненно-примирительное, Валерыч исчезал и появлялся уже из калитки. Тетя Женя, прижимая к груди красные руки, мучительно извинялась и оправдывалась, а Валерыч приобнимал уже остывающего Витька и уводил во флигель. Там они снимали вторую пробу, третью, и вообще – сколько получится. Включали радио, закусывали тем, что успевала метнуть на стол тетя Женя, потом отправлялись гулять по поселку, что-то горячо друг другу доказывали и, страдальчески приподняв брови, пели песни.

В общем, дружили Витек с Валерычем хорошо и давно.

Когда выезд из Вьюрков исчез таинственным образом, Витек поначалу бодрился. Он, конечно, был изумлен не меньше других, но изумление это было скорее благодушным. Пока дачники блуждали по поселку растерянными группами, Витек бродил туда-сюда мимо водокачки, за которой раньше был поворот, присматривался, как будто искал шов в ткани действительности, хлопал себя по бедрам и говорил: «Во дают!» Тетя Женя шепотом делилась с соседками, что супруг ее считает происходящее сверхъестественным явлением, настоящим чудом, и говорит, что когда все вернется на свои места, то во Вьюрках будет не протолкнуться от всяких ученых и журналистов. Ведь столько свидетелей, факт отсутствия и дороги, и ворот лично задокументирован им на фотоаппарат-мыльницу, так что обычной своей болтологией они не отделаются. И все вынуждены будут признать, что вот прямо здесь, среди дач советской постройки, имела место аномалия. На берегу реки Сушки, а не в каких-то там их кактусовых пустынях, которые нормальные люди только по телевизору видели.

И когда пропали Аксеновы, отправившиеся на машине в соседний поселок, Витек тоже не особо расстроился. Он доказывал Валерычу, что они люди бывалые, разберутся. Может, машина заглохла, а может, там, в поселке, тоже что-то творится, и пришлось ехать за помощью дальше. Связи-то нет, как они о себе сообщат?

Через пару дней после исчезновения выезда, вечером, тетя Женя услышала из кухонного флигеля шипение и сдержанные стоны. На тетю Женю вьюрковские чудеса действовали угнетающе, поэтому она встревожилась и в кухню заглянула с опаской, выставив на всякий случай перед собой попавшийся под руку веник.

Из открытой двери тянуло густым самогонным духом. Витек сидел за столом и ожесточенно крутил ручку радиоприемника. Вместо привычных песен и новостей из приемника лилось шипение, иногда прерывавшееся какими-то странными, неживыми взвизгами.

Витек отхлебнул еще, с тоской посмотрел на тетю Женю и простонал:

– Не работает!

– Конечно, не работает, и телефон не ловит, и телевизор у Тамары Яковлевны…

Витек грохнул стаканом об стол и наставил на жену палец:

– Ты-ы-ы…

Тетя Женя ойкнула, поспешно захлопнула дверь и убежала от греха подальше в дачу. По опыту она знала, что, если Витек начинает буйствовать, главное – не попадаться ему на глаза – авось забудет.

Ночевать в дом Витек не пришел, а тетя Женя спала беспокойно. Вздрагивала, садилась в постели, хлопала глазами в темноте, зажигала лампу. То ей чудились шаги, то незнакомые голоса, то снилось, что дверь в комнату тоже пропала вслед за выездной дорогой. А когда на рассвете кто-то бурно забарабанил пальцами по стеклу, ее так и подкинуло.

Под окном стоял Витек, опухший и закисший после вчерашнего. На нем были темная, не по размеру куртка, старые штаны, кепка – в общем, его особая «лесная» одежда. Даже гладкую рябиновую палку, самолично обструганную для походов в лес, он не забыл прихватить.

– Ты ку-ку-куда? – залепетала тетя Женя.

– По грибы, – хрипло ответил Витек. – К обеду вернусь.

Тетя Женя заполошно вылетела из дачи в ночной рубашке, погналась за Витьком с причитаниями: куда, какие грибы, какой лес, люди пропадают, Аксеновы, строители эти, еще кто-то, черт-те что творится, председательша сказала калитки в лес позакрывать и не выходить с территории, и правильно, надо пересидеть, подождать, пока все не закончится… Голос тети Жени постепенно обрел непривычную, отчаянную громкость, даже Витек как будто удивился и замедлил шаг. И объяснил, как умел, про спасение утопающих, которое известно чьих рук дело. Раз выход не вернулся сам, надо его искать, а ему, Витьку, в понедельник на работу, и козел этот – начальник который, не примет объяснение «не мог уехать с дачи». И вдруг действительно что-то серьезное случилось, а новости не послушаешь, и вообще – если бы все вот так

пересиживали, и никто не трепыхался сам, то войну бы не выиграли и в космос не полетели, сидели бы да ждали, пока придут и все вместо них сделают.

Тетя Женя растерянно посмотрела на Витька – была она женщина простая и не поняла, при чем тут космос с войной, – после чего продолжила гнуть свою линию:

– Куда ты сразу, суббота только. Посидел бы, подождал…

Витек рассердился:

– С кем тут сидеть, с тобой?

До калитки, за которой начинался лес, оставалось всего несколько шагов. Тетя Женя, исчерпав доводы, молча вцепилась Витьку в рукав. Витек плюнул с досады и все равно пошел дальше, но тетя Женя ехала следом, упорно держась за него и шурша по садовой дорожке тапками. Куртка перекрутилась, истершаяся ткань трещала. Витек попытался оторвать от себя жену, но она вцепилась еще крепче, вдобавок больно ущипнув его сквозь рукав. Так они боролись с минуту, не говоря ни слова и даже не глядя друг другу в лицо. Наконец тетя Женя отступила, потирая измятые до малиновых пятен руки. Витек свирепым рывком одернул на себе одежду и открыл калитку.

Походы за грибами он любил почти так же страстно, как свой самогонный аппарат. И всегда чувствовал себя лучше, свежее, что ли, когда перешагивал границу между обжитыми территориями и лесом. Пусть лес был жидковат и повсюду валялся человечий мусор – все равно здесь Витек был охотником, добытчиком, следопытом.

Он расправил плечи, глубоко вдохнул травянисто-хвойный лесной воздух и неторопливо пошел по тропинке.

– Чтоб к обеду был, – раздался за спиной подрагивающий голос жены.

– Готовь иди, – не оборачиваясь, ответил Витек и ускорил шаг. Тетя Женя смотрела ему вслед, пока темная куртка не растворилась в густой лесной тени.

К обеду он не вернулся. Не вернулся и к вечеру, и на следующий день тоже. Всю первую неделю загадочной изоляции Вьюрков, пока дачники изумлялись, отрицали, смирялись со своим теперешним положением и вновь вспыхивали надеждой вырваться обратно в привычный мир, тетя Женя ждала мужа. Дежурила у запертой калитки, лишь изредка отлучаясь со своего поста.

Этого ее тихого, собачьего подвига никто не заметил. Приготовленный по приказу Витька обед стоял в холодильнике, тетя Женя его не ела, только иногда пробовала щи – не прокисли ли. Даже Валерыч про все это не знал – он исследовал территорию, держал совет с другими дачниками и вообще был слишком занят. А тетя Женя бродила тем временем вдоль забора, вглядываясь во враждебно, как ей казалось, притихший лес. С Валерычем она пересеклась позже, когда оба выкроили минутку, чтобы покопаться в огороде: не пропадать же огурцам из-за творящихся вокруг странностей. Тетя Женя поздоровалась и буднично спросила совета – стоит ли заявлять о пропаже Витька в полицию. Валерыч посмотрел на нее с недоумением, и потом оба долго молчали.

На седьмой день, ближе к вечеру, свинцовая туча накрыла Вьюрки своим брюхом, и пошел сильный дождь. Все попрятались, закрыли окна, и только тетя Женя в плаще маячила у забора, похожая на коротконогий блестящий гриб. Садовую дорожку развезло, и ее резиновые сапоги оставляли в грязи аккуратные лужицы тридцать седьмого размера.

Стемнело, и тете Жене пришлось вернуться на дачу, но она все равно то выходила на крыльцо, то посматривала в окно. И когда в очередной раз высунулась за дверь и направила в мокрую шелестящую темноту луч фонарика, то заметила на дорожке новые следы, куда крупнее своих. По ним, смазанным и оскальзывающимся, она дошла сначала до калитки, потом до сарая и, наконец, до кухонного флигеля.

Тетя Женя приоткрыла дверь. Во флигеле было темно, и из этой темноты явственно доносились какие-то странные, болотные звуки – хлюпанье, шуршание. Жмурясь от страха и борясь с желанием убежать поскорее на теплую безопасную дачу, тетя Женя проползла вдоль стены, нащупала выключатель…

Посреди кухни темным конусом стоял необыкновенно грязный, залепленный мокрой хвоей Витек. Он смотрел прямо перед собой, неподвижно и напряженно,

как будто обдумывал нечто малодоступное для своего ума. В руке Витек держал какой-то узелок. Всмотревшись в тетю Женю, точно на опознании, он неуверенно протянул узелок ей. Это был оторванный от куртки капюшон с завернутыми в него измятыми, склизкими грибами.

– Явился наконец, – тихо сказала тетя Женя.

С утра Витька, нетвердым шагом направлявшегося к туалету, увидел через забор Валерыч. Удивился до онемения, потом замахал руками, начал звать приятеля не сразу прорезавшимся голосом. Витек, не оборачиваясь, добрел до облупившейся деревянной будки и стал тыкаться в дверь. Он как будто не догадывался, что нужно дернуть за ручку, и ломился внутрь всем телом, упорно и неторопливо. Валерыч умолк и озадаченно наблюдал за ним. Наконец Витек одолел дверь, случайно подцепив ее рукой, и скрылся в будке.

Вскоре все Вьюрки сбежались посмотреть на вернувшегося. До Витька из леса пришли обратно только супруги с Лесной улицы, которых вывела овчарка, но они ничего толком не рассказали. Еще был слух, что вернулся кто-то из строителей-гастарбайтеров, но, во-первых, для дачников они все были на одно лицо, и за вернувшегося, возможно, приняли того, кто никуда не уходил, а во-вторых, по-русски они все равно почти не говорили. К тому же Витек провел в лесу целую неделю, что было удивительно даже для безоблачных прежних времен, когда из Вьюрков можно было и уйти, и уехать.

У дачников, конечно, была к Витьку уйма вопросов, включая главный – как оно там, снаружи? Но Витек не отвечал, сколько его ни теребили. Все в той же своей «лесной» куртке он сидел за кухонным столом, сгорбившись и слегка покачиваясь из стороны в сторону. По словам раскрасневшейся и разговорившейся тети Жени, он отказывался переодеваться – более того, оттолкнул ее, когда она сама попыталась расстегнуть на куртке молнию, – и не желал ни мыться, ни спать, хотя вид имел очень усталый. Единственное, что Витек делал охотно, постоянно и с жадностью, – это ел. Вылизанные тарелки громоздились перед ним на столе, под столом валялись пустые консервные банки, а Витек все ел, со всхлипыванием втягивая в себя все подряд: щи, грибы, варенье, тушенку, овощи с огорода. Тетя Женя вертелась у маленькой плиты, готовя сразу на обеих конфорках, и уже несколько раз отбирала у мужа сырые картофелины.

Рыбачка Катя заглянула в набитый дачниками флигель, когда Витька безуспешно допрашивала председательша Клавдия Ильинична.

– Послушайте, Виталий… – то и дело говорила она, пытаясь привлечь внимание жующего Витька.

– Виктор он, – тихо поправляла тетя Женя, но председательша то ли не слышала, то ли привычно не обращала внимания на неприметную тетю Женю и через некоторое время снова подавалась вперед:

– Послушайте, Виталий…

В такт движениям Витьковой челюсти на шее у него подпрыгивал раздувшийся клещ. Во флигеле пахло землей, прелым мхом, немытым телом. Но самым противным было не это, а то, как именно Витек ел – хлюпая и всхрюкивая, с мрачным напряженным лицом.

– Нет, это невозможно, – пожаловалась Клавдия Ильинична, обернувшись к многочисленным зрителям.

– Ничего, отойдет – заговорит, – неуверенно сказал Валерыч.

В этот момент Витек проглотил последнюю ложку пшенной каши. Он посмотрел в пустую миску, потом обвел тяжелым взглядом стол и увидел лежавшую на нем округлую руку председательши. Витек схватил ее и потянул в рот. Клавдия Ильинична охнула и попыталась освободиться, но Витек не отпускал. Он нацелился на ее указательный палец, и впрямь напоминавший сосиску.

Бероев подскочил к столу и дал Витьку в глаз, да так сильно, что тот слетел с табурета. Женщины завизжали. Витек сгруппировался, мотнул головой и бросился на четвереньках к двери. Среди дачников возникла кратковременная паника. Крупный бородач Степанов, оказавшийся у Витька на пути, получил головой в колено и упал, другие поспешно отскочили в сторону – в резво бегущем на четвереньках Витьке им почудилось что-то вроде огромного клопа…

Вырвавшись из флигеля, Витек вскочил на ноги и бросился в сторону леса, к забору. Почти у самой калитки его догнал Валерыч. Витек оттолкнул его, сбил с ног и попытался вскарабкаться на старый, шаткий забор – о существовании калитки он как будто забыл. Валерыч поймал озверевшего приятеля за штанину, изношенная ткань разошлась, обнажилась бледная волосатая нога. Валерыч подпрыгнул, ухватил упорно, по-жучиному рвавшегося вверх Витька за ремень и сдернул с забора. Витек отбивался и скалил зубы.

– Это что ж такое? – укоризненно сказал Валерыч, усевшись на него верхом и надежно прижав к земле. – Пожрал и обратно?

Подбежала охающая тетя Женя с мотком бельевой веревки. Валерыч долго возился, вязал какие-то хитрые узлы, потом наконец поднял стреноженного Витька, отряхнул и потащил во флигель.

Витька снова усадили на табурет, но расспрашивать его уже никому не хотелось. Любопытные дачники почуяли в нем что-то чуждое и пугающее: это было трудно описать словами так, чтобы не вышло глупо. Они стали потихоньку расходиться, стараясь не смотреть ни на Витька, ни на тетю Женю, которой по-хорошему, по-человечески надо было, конечно, помочь, только вот как?

Клавдия Ильинична тоже ушла, но пообещала вернуться, как только Витек придет в себя. Наконец остался один Валерыч.

– Ну, ты, в общем… – он похлопал Витька по плечу. Витек медленно повернулся и посмотрел на него исподлобья. Его самые обыкновенные, светлые глаза не выражали ничего. Раньше Валерыч видел такой взгляд только у мертвой рыбы.

– Вот, гороховый, – тетя Женя поставила перед Валерычем на стол миску с супом. – Пока то да се, уже и обедать пора.

Вторую миску она придвинула к себе. Зачерпнула, подула и поднесла ложку к жадно вытянувшимся губам Витька. Витек шумно отхлебнул, качнувшись всем телом в сторону стола.

– Тише ты, опрокинешь все. У-у, голодный какой, по лесу бегал, шишки грыз, проголодался, да? – заворковала тетя Женя. – Не спеши, вот так. Кушай, кушай.

Валерычу это идиллическое кормление показалось неприятным и даже жутким. Он похлебал немного из вежливости и бочком стал выбираться из-за стола.

Тетя Женя даже головы не повернула в его сторону. Валерыч потоптался на пороге флигеля, соображая, можно вот так, молча, уйти или это будет невежливо, потом плюнул – буквально, выплюнул застрявшую в зубах гороховую шкурку, – и направился к калитке.

Вид и поведение вернувшегося Витька очень впечатлили Никиту Павлова, самого молодого «настоящего дачника» в поселке. Никите, долговязому, с мальчишеским еще лицом, было лет тридцать. Его поколение, к тихому неудовольствию вьюрковских долгожителей, на дачах – настоящих семейных дачах, с огородом и сиренью, – практически не появлялось. Закончились каникулярные побывки с обязательным поливом, сбором и окучиванием – и все, вчерашняя молодежь вросла в городской асфальт. Отдыхать они теперь не ездят, а летают – далеко, с постоянным риском для жизни, в эти непонятные раскаленные страны, где то теракты, то акулы, то цунами. А дачи стоят пустые, заплетаются колючими лабиринтами необитаемые сады, заваливаются ограды, вяхири ухают на чердаках…

К Никите Павлову все эти претензии дачников с многолетним стажем отношения не имели. Он постоянно, и не только в сезон, наведывался на родительскую дачу. Родителям все было некогда, да и заграницу они полюбили на старости лет. А он поддерживал какой-никакой порядок в своей единственной жилой комнате – остальные, набитые вечным дачным хламом, были заперты, – подновлял, подкрашивал и даже завел огород с неприхотливой зеленью. Все получалось у него неловко, косо-криво и как-то смущенно, что ли, но вьюрковцы одобряли его верность дачным традициям. Тянется к земле, к наследству, к березам и реке Сушке – вот и молодец.

А Никита просто пил. И стыдился этого, страдал от укоризненно-сочувствующих взглядов своего деликатного профессорского семейства. Семейство искренне считало его бедным больным мальчиком, жалело и позволяло сидеть у себя на шее, поскольку ни на одной работе Никита не задерживался. Сам Никита считал

себя бесполезным мудаком, но отказаться от единственного доступного удовольствия – побыть пьяным и почти счастливым – никак не мог. Пьяницей он был тихим, одиночным и скрытным. А на даче можно жить и пить спокойно, с почти чистой совестью и уж точно на чистом воздухе. И своя закуска с огорода.

После того как Вьюрки по неизвестной причине захлопнулись сами в себе, Никите стало требоваться больше выпивки для относительного спокойствия. Дачные запасы спиртного были довольно обширны, но у Никиты все равно перехватывало дыхание, и хотелось на волю, к людям и магазинам, когда он представлял, что запасы кончатся прежде, чем чары спадут и из Вьюрков снова можно будет уйти беспрепятственно.

А между тем все только начиналось.

Кисло пахло перегаром. Так пахло много лет назад от вьюрковского пьяницы дяди Васи, который ходил по соседям и назойливо выпрашивал «что есть». Мама Никиты выносила ему одеколон или пузырек лекарственной настойки и морщилась, глядя, как он опрокидывает пузырек в себя.

Теперь так пахло от самого Никиты. То, что успокоило его и уложило спать, перегорело внутри, болью выстрелило в голову, тревожной дрожью разлилось по ногам, и Никита чувствовал, как кожа на них синеет, вздувается пузырями, превращаясь в дяди-Васины грязные тренировочные штаны с дыркой у паха. Счастливый дядя Вася, он давно умер и покинул Вьюрки. А Никита умирать боялся – в основном из-за тех мыслей, которые будут сверлить его мозг в последние бесконечные секунды: мне дали жизнь, а я ее не прожил, упустил. Ничего не успел, пролетел кубарем, и теперь эту жизнь у меня отнимают, и не будет второй попытки, а я только начал понимать, как нужно. Я стал дядей Васей. Только дядя Вася ничего не понимал и умер спокойно, а я понимаю, я все понимаю… Понимать – это лишнее, только царапает, тревожит и растекается под ребрами ясным ужасом полного осознания. Поэтому и надо усыплять себя, чтобы понимать как можно меньше, скользить по поверхности. Но кончатся дачные запасы водки и коньяка – и полное осознание наступит. И он поймет, что заперт навсегда среди этих домиков и яблонь, со старушками и хриплыми петухами, и жизни точно уже не будет, никогда, только отмеренное время ясного ужаса. И они даже никогда не узнают, кто и зачем запер их здесь – никто, низачем, просто так…

Громкий стук вышвырнул Никиту из полусна, заставил вскрикнуть в ответ. Тоскливый ужас, заглушивший и головную боль, и холод – одеяло оказалось на полу, – все еще стоял комом в горле. Ведь алкоголь на самом деле депрессант, безо всякого «анти», с привычным похмельным раскаянием, подумал Никита и запоздало сообразил: кто-то стучит в окно. Сосчитав в темноте все углы, он навалился на подоконник и отдернул штору. Никита почему-то решил, что это еще кто-то спятил вслед за Витьком и теперь ломится к нему.

В предрассветных сумерках он увидел соседку – ее, кажется, Катей звали. И тут же понял, что он без трусов. Пришлось поспешно согнуть колени, чтобы нижнюю часть не было видно из-за подоконника.

Катя, впрочем, тоже стояла перед ним в какой-то куцей ночнушке, но ее это явно не беспокоило. Вглядываясь темными провалами глаз в Никитино лицо, она спросила:

– Ты слышишь?

– Не глухой, – кивнул Никита и зажмурился от ненависти к себе: к нему ночью пришла взволнованная и практически голая женщина – сама пришла, – а он ей сразу нахамил. Никогда, никогда не будет жизни, все впустую. Дали зачем-то крохотный кусочек времени – так, просто подразнить возможностями…

И он наконец услышал. Откуда-то доносился странный звук, описать который было затруднительно. На ум приходило одно-единственное слово – «тоскливый». Звук не был особенно громким, но как будто заполнял собой все, в нем тонули птичьи голоса, сухое стрекотание кузнечиков и даже мощный хор лягушек на реке. Он заливал Вьюрки, точно холодная слизь, заползал в каждую щель, проникал в мозг, обволакивал сердце, и это от него становилось так невыносимо… Никита удивленно заморгал, но уверенность росла – именно этот звук ворочался сейчас в его голове тоскливыми, полными отвращения к себе мыслями и горьким комом подступал к горлу.

– Слышишь? – повторила Катя.

Больше всего им сейчас хотелось либо проткнуть себе барабанные перепонки, либо найти источник звука и заглушить его навсегда. Бредя по темному поселку,

Катя с Никитой, – который штаны все-таки надел, а вот про обувь забыл, – обнаружили, что хочется этого, похоже, не только им одним. Хлопали двери, шуршала трава, под фонарями на улице мелькали фигуры разбуженных дачников.

– Это волки? – тревожно спросила, ткнувшись в Никиту грудью, какая-то дама в шали. – Слышите? Они могут сюда прийти? Моего брата загрызли волки, в деревне. Совсем молодой был… Они придут?

Никита растерянно молчал. Дама махнула рукой и пошла дальше, продолжая с надрывом задавать вопросы в пространство.

Они свернули на Лесную улицу, когда звук внезапно изменился. Теперь это было отчетливое, густое шипение, и оно не заливало все вокруг, а определенно доносилось из какой-то одной точки. От шипения уже не было тоскливо и холодно, будто от вселенского сквозняка, и Никита взбодрился. Он ускорил шаг и вскоре оказался возле забора, за которым начинались владения Витька.

– Да подожди ты! – торопливо зашептала сзади Катя, но Никита уже открыл калитку.

Окна кухонного флигеля ярко светились в серой мгле. Заглянув в одно из них, Никита увидел Витька, тетю Женю и Валерыча. Валерыч сидел за столом и что-то говорил, Витек покачивался на своем табурете, связанный, а тетя Женя стояла рядом с окном, у плиты. Никита приник к стеклу, чтобы рассмотреть все как следует, и тетя Женя, бросив рассеянный взгляд на окно, взвизгнула, увидев с другой стороны призрачное пятно его лица. Он виновато заулыбался и помахал ей рукой, всячески демонстрируя, что бояться здесь нужно не его.

Тетя Женя распахнула дверь кухни, выпустив навстречу Никите и подоспевшей Кате новую порцию шипения, и затараторила:

– Что ж вы так пугаете, вы б постучали или уж зашли сразу, зачем в окно-то, чуть не до инфаркта, вы заходите, заходите, открыто же, завтракаем…

В кухне на стене висели часы, на которые Никита машинально посмотрел – завтракали хозяева в четыре утра. А потом он обнаружил источник этого скребущего по ушам, шершавого шипения. На столе стоял включенный

радиоприемник. Витек внимательно смотрел на него и, как видно, слушал.

– А это чтоб он не скучал, – торопливо объяснила тетя Женя. – А то как я уйду, он скучать начинает. Колобродишь тут, да, не отпускаешь меня? Ну вот, смотри, сколько гостей теперь. Все соседи к тебе пришли, вот как весело, да? А ты сейчас кашку покушаешь. Будешь кашку?

Она говорила тоненьким игривым голосом, как с младенцем. Витек сосредоточенно слушал радиошипение, и вид у него был такой угрюмо-серьезный, точно из динамика доносились сводки с фронта. У Никиты почему-то подернулась гусиной кожей левая рука.

– А звук? Такой… странный звук, вы слышали? – с неожиданной деловитостью спросила Катя.

– Да это радио, радио у него играет. А то крушил все со скуки. Головой вон бился, видали шишку? Кто головой бился, Витенька? Кто мне спать не дает? Только задремала… А вы, может, тоже позавтракаете? – развернулась к нему тетя Женя.

Валерыч, так ни слова гостям и не сказавший, посматривал на нее из угла удивленно и неодобрительно.

На следующий день странный ночной звук во Вьюрках особо не обсуждали. Так, несколько соседок пожаловались друг другу, что гудело что-то ночью, мешало спать. Дачники копались в огородах, одалживали незапасливой молодежи соль и спички – у кого-то уже закончились. Светка Бероева чинно выгуливала детей по обычному маршруту.

Валерыч то и дело подходил к забору между участками, пытаясь высмотреть, чем заняты Витек с супругой, но соседи почти не показывались. Только пару раз тетя Женя водила смирного, по-арестантски закинувшего связанные руки за спину Витька в туалет. Валерыч не окликал их, наоборот – приседал, прячась за кустами.

А ночью уже председательша Клавдия Ильинична проснулась от тоски и незнакомого ей прежде томления. И подумалось ей о том, что она уже старуха и скоро умрет по естественным, но не становящимся от этого более справедливыми причинам. Сама потихоньку удивляясь своим мыслям, Клавдия Ильинична положила ладонь на дряблую грудь. А ведь какой был у нее в молодости бюст, яблочки наливные, и первый ее, не Петухов, ошалел от восторга, когда выпустил их – тоже впервые, – на волю из глухого лифчика. И не вернешь молодость и красоту, и сладкую женскую уверенность, когда идешь по улице и знаешь – смотрят на тебя. Отняли все, отняли…

А пятнадцатилетняя Юлька по прозвищу Юки чуть не захлебнулась во сне слезами и теперь, свернувшись в клубок, горько плакала по родителям, оставшимся за пропавшими воротами. И все спрашивала неизвестно у кого: где они, и когда она их снова увидит, и кто теперь будет решать за нее неположенные по возрасту проблемы, кто обнимет тепло и крепко, как мама, и защитит от непонятного мира.

Никита, вновь выброшенный из сна мыслью о собственной бесприютной никчемности, уже открыл дверь на улицу. Только в одном он был уверен: нужно наконец выяснить, что это такое, избавиться от этого звука навсегда, чего бы это ни стоило…

И тут звук оборвался. Затрещали кузнечики, шлепнула по поверхности реки невидимая рыбина, навалился вернувшийся сон. С трудом разлепляя опухшие веки, Никита побрел досыпать.

Наутро дачники начали роптать, стараясь, впрочем, не рассказывать о том, какие именно неприятные мысли посетили их ночью. Впадать в тоску заново никому не хотелось. Выяснилось, что многие вообще не смогли уснуть после того, как их разбудило «это нытье». Бледная и помятая Клавдия Ильинична говорила у закрытого магазинчика группе дачниц, что непременно найдет управу на беспредел. Дачницы охали, кивали и выдвигали разные предположения относительно природы звука. Одна, например, считала, что над вьюрковцами ставят какой-то эксперимент и все может быть связано: и исчезновение ворот, и преображение леса и реки в некие аномальные зоны, таящие смутную угрозу, и вот теперь этот звук, определенно действующий на психику…

На закате Вьюрки огласились ревом: дети не хотели ложиться спать. Им казалось, что звук – это часть повторяющегося снова и снова страшного сна. Никита Павлов сидел на веранде и пил из горла хороший, с шоколадным привкусом коньяк. Это было едва ли не лучшее из его запасов, и, конечно, Никита совсем не так планировал его выпить – хотя, в сущности, какая разница, если главное – это выпить. Но он надеялся, что опьянение окажется более качественным и приятным, а сон, соответственно, – более крепким. Коньяк он закусывал редиской. В животе бурчало.

Эффект вышел прямо противоположным ожиданиям. Никита проснулся где-то через час после того, как лег, причем проснулся уже сидя и с мыслью о единственном ноже, имевшемся на даче. Нож был длинный, тонкий, с зубчиками. Сидя в скомканной постели и таращась в темноту, мысленно Никита был уже на веранде, а нож был вынут из ящичка. Лезвие поблескивало в идущем неизвестно откуда холодном свете. Никита водил по зубчикам пальцами, и кожа взрезалась с готовностью, почти лопалась под ножом, как спелый арбуз, расходясь в стороны и обнажая красную мякоть.

Звук пропал, а Никита обнаружил себя стоящим посреди комнаты. И ему все еще хотелось пойти на веранду, взять нож и перейти от пальцев к более существенным частям тела. Ведь это такая возможность, и все легко и просто. Такая возможность радикально сократить время, отмеренное на тоскливое отчаяние… Остатки, осколки желания сделать это перекатывались где-то внутри, и даже они были нестерпимо острыми.

Никита торопливо вылез в сад через окно. И побрел в темноте – подальше от веранды, подальше от ножа.

Дача Бероевых была самой большой во Вьюрках. Это была даже уже не дача, а целый особняк – кирпичный, двухэтажный, многокомнатный, с необыкновенно высоким забором. А в настенных фонарях имелись датчики движения. Если ночью мимо кто-то проходил, особняк вспыхивал внезапной новогодней елкой и быстро растворялся в темноте за спиной у гуляющего.

Когда фонари зажглись на этот раз, на ажурном балконе стоял сам Бероев. Он прилаживал к кронштейну для спутниковой тарелки добротную веревочную

петлю. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное, как на деловых переговорах.

Никита Павлов, на которого и среагировали датчики в фонарях, остановился. Бероев бросил на него быстрый взгляд и продолжил свою работу. Никита сначала подумал, что, может быть, он веревку для белья вешает – коньяк никак не выветривался из организма.

Никита, как и большинство вьюрковцев, Бероева почти не знал и относился к нему с некоторой классовой подозрительностью – «солидный господин», почти наверняка бандит, дай бог если бывший. Но он вдруг ясно представил себе, что Бероев сейчас повесится прямо у него на глазах, превратится из малоприятного, угрюмого, но все-таки человека в неодушевленный предмет. И понял, что так быть не должно, ни в коем случае. Даже в качестве бандита Бероев стал внезапно Никиту устраивать – лишь бы не становиться свидетелем того, как это качество непоправимо изменится.

– Эй! – крикнул Никита. Он крепко заткнул себе уши пальцами, поэтому не мог понять, достаточно ли громко зовет. – Слушайте! Эй! – Как его назвать, если имени не знаешь: эта вечная проблема не умеющих окликать друг друга на улице бывших господ-товарищей… – Бер… Уважаемый! Вы это… вы… не надо!

Бероев вздрогнул, и его твердое лицо вдруг некрасиво скомкалось. Никита с изумлением подумал, что гипотетический бандит, кажется, собрался рыдать. Но Бероев только беззвучно шевельнул трясущимися губами – наверное, сказал что-то, – сдернул веревку с кронштейна, бросил ее вниз и ушел в дом. Так быстро, будто исчез, телепортировался. Только дверь хлопнула.

Калитку Никита открыл ногой, а вот вломиться без стука в чужой дом не получилось – дверь не поддавалась на пинки. Руки были заняты, и вынимать пальцы из ушей он не собирался, хотя и то, и другое, и третье – в общем, все – уже болело. На грохот и дребезжание стекла, которые Никита скорее чувствовал, чем слышал, долго никто не реагировал. Наконец из глубин дачи выплыло светлое пятно – кто-то шел с фонариком. Катя открыла дверь, молча поглядела на Никиту и протянула ему маленькую пластиковую коробочку. В коробочке были беруши.

– Так полегче, – услышал Никита приглушенный Катин голос, когда ввинчивал в уши мягкие трубочки. – Тише становится. Но он все равно… просачивается внутрь, прямо в мозг, и все думаешь, думаешь…

Никита увидел, как она бездумно царапает коротко подстриженными ногтями кожу на груди, и понял, что Катю надо спасать. Вообще-то, он сам пришел к ней спасаться, бродил-бродил по онемевшему от неслыханной тоски поселку и вдруг снова оказался на Вишневой улице, у Катиной калитки, и вспомнил, каким решительным чувствовал себя, рисуясь перед неожиданной боевой подругой.

– Заметил, о чем мы думаем? Он же самое противное вытаскивает… Вот смотри, я, например, – я бесплодная. Он меня про это думать заставляет, – торопливо, сквозь зубы проговорила Катя и выжидательно посмотрела на него. – А с тобой что?

– А я алкаш.

По Катиному лицу скользнула кривоватая улыбка – левый уголок рта сползал, подрагивая, вниз, будто от нервного тика.

– Я не хочу про это думать, а он давит, давит. Он нас выматывает. Из всех самое мерзкое тянет. Все лежу и думаю… это же с ума сойти, сколько людей… все встречались, любились, а на мне оборвалось, безо всякого смысла… – Катя сжала виски пальцами. – Я не хочу про это говорить, почему я про это говорю?..

Никита молча взял ее за локоть и повел за собой.

В общем-то, они знали, куда нужно идти. Звук то появлялся, то пропадал и шел как будто отовсюду одновременно, так что поиски его источника казались на первый взгляд делом совершенно безнадежным.

Но только на одной даче сейчас определенно творилось нечто странное.

Витек сидел на своем табурете посреди ярко освещенной кухни. Все было так знакомо, по-дачному буднично: клеенка в цветочек на столе, старый электрический чайник, немного загораживавший обзор, ваза с сухими рыжими

фонариками физалиса в углу. Вот только у Витька, ерзавшего на табурете и выкатывавшего из орбит покрасневшие глаза, рот был заклеен прозрачной полосой скотча. И он безостановочно шевелил губами, они словно жили на его лице какой-то бурной отдельной жизнью. Под скотчем пузырилась слюна.

– Ух ты! – прошептала Катя, и Никите в этом коротком выдохе почудилось почти что восхищение.

Скотч благодаря стараниям Витька постепенно отклеивался. Он освободил нижнюю губу, и полоска повисла на верхней прозрачными усами. Витек судорожно задвигал чем-то в горле, как кошка, собирающаяся отрыгнуть шерсть, и из его рта полезло черное. Никиту от ужаса даже не обдало, а будто хлестнуло холодом. Он уже был готов к тому, что сейчас одержимый Витек изблюет из себя демона и к потолку поднимется, обретая постепенно человекоподобную форму, густой сатанинский дым.

Напрягшись и побагровев, Витек выплюнул на пол черный комок, в котором Катя, присмотревшись, опознала обыкновенные капроновые колготки. А Витек запрокинул голову, распахнул рот, и тот самый звук полился из него потоком чистой ледяной тоски.

Только сейчас они поняли, что этот звук был воем.

Никита сполз по стене вниз, тоска склизким горчащим комом ворочалась у него под ребрами, не давая вздохнуть. Он раньше и представить себе не мог, что человеку – то есть, без околичностей, ему самому – может так моментально и бесповоротно расхотеться жить. Весь ужас равнодушного мирового хаоса, вся непролазная бессмысленность житейских трепыханий розово-мохнатого обрывка плоти, зовущего себя человеком, вырывались сейчас из Витька. Никита заметил в стене ржавый гвоздь, вколоченный по самую шляпку, и ему страшно захотелось вдруг выдрать этот гвоздь – чем угодно, пальцами, зубами, – выдрать хотя бы наполовину, чтобы было на что надеться с размаху лбом…

Мелькнула тень, и в освещенном окне появилась тетя Женя. Дверь флигеля никто не открывал – значит, все это время она была там. Тетя Женя недовольно высказала что-то Витьку, а потом подняла колготки с пола, скрутила их в комок потуже и снова засунула в его распахнутый рот. Невыносимый звук оборвался.

Когда Никита вломился в кухню, тетя Женя старательно заматывала своему мужу рот скотчем – прямо через всю голову, ламинируя заодно редкие волосы на затылке.

– А что делать-то? – бодро подмигнула она Никите, как будто в его появлении ничего неожиданного не было. – Как отойдешь от него – сразу выть начинает. А тете Жене ведь тоже спать надо. Надо тете Жене поспать или нет, а, Витенька?

Никита шагнул вперед и ушиб ногу о старую, солдатско-сиротского вида раскладушку со скомканным постельным бельем. Тетя Женя была на кухне все это время – она и спала здесь.

Похлопав Витька по пережатым прозрачной лентой щекам, тетя Женя обрезала скотч.

– Его отпустить надо, – подала вдруг голос Катя, прятавшаяся у Никиты за спиной.

– Куда это?

– В лес. Он обратно хочет…

«А она почем знает?» – встревожился Никита. Ему внезапно стало немного не по себе от того, что Катя стоит у него за спиной, дышит в голый беззащитный загривок…

Приветливая хозяйская улыбка сбежала с лица тети Жени, ниточки бровей сдвинулись:

– Ты что говоришь, деточка? А ну как он потом не вернется? Тебе-то, может, и непонятно, а он мне муж, деточка. Уж сколько лет, дай бог. Куда я, по-твоему, без мужика?

– Но он же… он… – забормотала Катя, и растерянность, испуг в ее голосе Никиту, как ни странно, успокоили.

– Ничего, вылечим! И хуже бывало. Или он вам спать мешает? Может, вы к условиям привыкли? Мы-то простые, по коммуналкам полжизни. И ничего!

Тетя Женя даже как будто увеличилась в размерах, рыжеватые кудряшки у нее на голове взъерошились, и она, сияя лицом от своей гневной, выстраданной правоты, двинулась на Никиту и Катю.

– Теть Жень, люди от него с ума сходят! Бероев вон чуть не повесился.

– Бероев? Этот повесится! Где ж оно видано, чтоб от одного больного человека другие с ума сходили? Ты это где вычитал, а?!

Она подошла к ним вплотную, Никита отчетливо видел, как дрожит в ее прозрачных глазах придверная лампочка.

– У вас совесть есть? – шипела тетя Женя. – Совесть есть, а? В чужую семью пришли лезть?!

Никита почувствовал резкую боль в руке и запоздало понял, что тетя Женя ударила его по локтю поварешкой, которую молниеносно успела выхватить из раковины. Спустя секунду в стену над их головами тяжело врезалась обросшая жиром чугунная сковорода.

Спасаясь от разъяренной тети Жени, Катя с Никитой выскочили на улицу и тут же на кого-то налетели. Катя не удержалась на ногах и, вскрикнув, упала в траву.

Мрачный, заросший седой щетиной Валерыч отодвинул судорожно хватающего ртом воздух Никиту в сторону. И, сунув голову за дверь кухонного флигеля, сказал только одно слово:

– Жень.

Сказал со значением, так, что больше ничего и не требовалось, и даже испуганный молодняк это если не понял, то нутром почуял.

И тетя Женя вдруг растерялась, а лицо у нее стало неимоверно несчастное, у Никиты от взгляда на это лицо разлился за грудиной щемящий холод – почти такой же, как до этого от Витькова воя. Но через секунду в глазах у тети Жени опять вспыхнула и задрожала от гнева одинокая голая лампочка.

– А ты чего? Самый умный, да? Все, думаешь, видел? А знаешь, как он меня извел? За столько-то лет… знаешь, как извел?!

– Знаю.

Тетя Женя замотала головой, визгливо заматерилась, ткнула пальцем в собственную щеку, смятую коротким старым шрамом:

– Вот, вот, это после него зашивали! Мало я натерпелась, по-вашему? Пришли чужую семью судить, праведники святые! Я, значит, не заслужила, чтоб муж мой при мне был? Чтоб спокойный, трезвый, чтоб котлетки кушал? Не заслужила я, по-вашему?!

– Жень.

Валерыч вошел во флигель и захлопнул дверь перед самым носом у сунувшегося было следом Никиты. Катя шумно и с облегчением выдохнула.

Они вышли из кухни уже втроем: Витек, по-прежнему замотанный скотчем, шел между ними, как под конвоем. Тетя Женя молча и ожесточенно вытирала с лица слезы.

Когда они приблизились к калитке, за которой начинался лес, Витек беспокойно завертелся, посматривая то на жену, то на Валерыча. Валерыч потрепал его по плечу и стал отдирать прозрачную полоску, замкнувшую Витьковы уста. Тетя Женя смотрела-смотрела, как он неловко пытается подцепить ее темными пальцами, потом не выдержала, молча отпихнула руку Валерыча и сама освободила Витька и от колготок во рту, и от веревок на запястьях. Зазвенела ключами, уронила их, выругалась навзрыд и наконец сняла с калитки замок. Председательша Клавдия Ильинична всех заставила запереться, даже ходила по участкам и проверяла – чтобы не приходили больше из леса подобные Витьку.

Витек вылетел на волю стремительно, как еле дождавшийся прогулки щенок. Он втянул ноздрями воздух, издал странный звук, похожий не то на урчание, не то на хихиканье, и уже собрался бежать в свою неведомую чащу, но вдруг, точно опомнившись, начал торопливо раздеваться.

Катя отвернулась, и Никиту, который смотрел как завороженный, тоже дернула за руку – неприлично.

– А откуда ты знала, что он обратно в лес хочет? – шепотом спросил Никита.

– Не знала, догадалась…

И тут сзади раздался сдавленный возглас Валерыча:

– Жень?..

Тетя Женя, одной рукой отмахиваясь от Валерыча, другой торопливо срывала с тела растянутую удобными пузырями, пропахшую сыростью и кухней «дачную» одежду. И спустя несколько мгновений они уже стояли в серых сумерках летней ночи рядом – Витек и тетя Женя, голые, тонконогие, нелепые. И в этом непристойном и жалком зрелище было что-то необъяснимо героическое, даже торжественное, от чего хотелось притихнуть, склониться и задуматься. Катя, Никита и Валерыч смотрели на обнаженную пару почти с благоговением, словно прямо у них на глазах эти обыкновенные, давно знакомые люди совершали какой-то непонятный подвиг.

Тетя Женя криво улыбнулась и помахала им, как из окна поезда. И голые дачники, взявшись за руки, шагнули в лесную тень и беззвучно в ней растворились.

Несколько минут проползли в потрясенном молчании. Потом опомнившийся Валерыч взглянул на вторую пару, помоложе и одетую, и неожиданно рассердился:

– Чего уставились? А ну валите отсюда!

Больше ни Витька, ни тетю Женю во Вьюрках не видели. Ночной звук, нагонявший невыносимую тоску, тоже пропал. Дачники с облегчением забыли и о нем, и о своих глупых страданиях из-за непоправимой бессмысленности жизни, недостойных взрослого, со всем уже смирившегося человека.

Бероев ни словом, ни взглядом не дал Никите понять, что помнит о той петле на балконе своего добротного особняка. А самогонный аппарат Витька забрал Валерыч.

Мышь

Довольно долго никто из вьюрковцев не замечал, что со Светкой Бероевой что-то не так – то ли потому, что чересчур высоким оказался забор вокруг ее нездешне богатого дома, то ли потому, что в то время дачники еще не приглядывались с подозрением друг к другу. Казалось, что со дня на день прострекочет над Вьюрками вертолет или выйдут из леса натренированные парни с квадратными лицами и всех спасут. Вернут дачных пленников в привычную жизнь, манящую теперь из того далека, до которого ни доехать ни дойти, своей обыденной скукой. Большинству вьюрковцев уже даже не нужно было объяснение, которое упорно выискивали неприкаянные мужики и молодежь, – а женщины, особенно те, кто постарше, давно знали, что лучше не спрашивать, целее будешь и спокойнее. Они были готовы забыть и простить творящуюся вокруг чертовщину – лишь бы все наконец закончилось.

Довольно долго никто из вьюрковцев не замечал, что со Светкой Бероевой что-то не так – а после того, что случилось всего через месяц с небольшим после таинственного исчезновения выезда, не замечать старались уже целенаправленно. Потому что им рядом с ней предстояло жить, и неизвестно, как долго. Лето затягивалось.

Затягивалось оно буквально, хотя и этого пока старались не видеть. Судя по календарю, стоял конец августа, но ни желтых прядей на березах, ни первых прохладных ночей, ни особой августовской прозрачности воздуха не наблюдалось. Во второй раз зацвели яблони, восторженно свистели птицы по кустам, рядом с увесистыми кабачками снова поспела клубника. Опытным огородникам, особо внимательным к погоде, начинало казаться, что все летние

месяцы обрушились на Вьюрки одновременно да так и застыли.

Дача у пенсионера Кожебаткина по старым меркам была почти роскошная, но по новым никакой конкуренции не выдерживала. Грязно-зеленая, деревянная, с резной верандой, она терялась на тенистом участке среди яблонь, смородины и неистребимой сныти, так что ее даже заметить с первого взгляда было непросто. В самом доме царил идеальный, скопческий порядок – вазочки, клееночки, до скрипа вымытые тарелки, фотографии напружившей щеки в улыбках родни на стенах. Украшать стены Кожебаткин вообще очень любил, это помогало бороться со следами мушиных диверсий на обоях. Во всех комнатках рядами висели портреты, иконки, календари и журнальные пейзажи со следами маникюрных ножниц по краям. А на самом видном месте висел портрет товарища Сталина. И аккуратная кошка Маркиза, точно подтверждая, что место действительно правильное, чистилась под ним на диване, подняв кверху указующую заднюю ногу.

В ту страшную ночь пенсионер Кожебаткин проснулся от холода. Привычно чмокнул ввалившейся нижней губой, проверяя, на месте ли зубной протез – и вдруг обнаружил в своих деснах новые, твердые, крепко воткнутые штуки. Обсасывая их и удостоверяясь постепенно, что это зубы, только какие-то совершенно непривычные, Кожебаткин пробудился окончательно.

Огромная горящая луна взглянула на него сверху. Кожебаткин недовольно зажмурился. Там должна была быть не луна, а тщательно выбеленный потолок. А ниже – прямоугольники икон и портретов, и градусник фигурный, в виде пронзенной стеклянной трубочкой совы, по которой Кожебаткин узнал бы, действительно ли в спальне так холодно, или его просто знобит спросонья.

Кожебаткин открыл глаза. На полыхающий лунный лик набежала туча, а на самого Кожебаткина шагало из темноты чудовище – круглая кожаная башка безо всякого намека на остальное тело, несомая в воздухе длиннейшими многосуставчатыми ногами. Деловито перебирая частоколом ног, покачиваясь, словно дремлющий пассажир в полузабытом уже метро, безмолвный урод приблизился вплотную и застыл, уставив на Кожебаткина зрительные бугорки. Это был паук-косиножка, неведомым образом увеличившийся до размеров теленка. Кожебаткин вскрикнул – и услышал резиновый писк. Рванувшись прочь, он почувствовал, что перебирает сразу и ногами, и руками, переместившимися по неизвестной причине под его мягкое круглое брюшко и злодейски

укороченными, так что сохранились буквально одни кисти и ступни. Шлепая ими по холодной и твердой поверхности, Кожебаткин покатился вперед, оглашая ночь испуганным писком – и вдруг, утратив опору, упал. Свалился с узкого карниза на выложенную камнем дорожку, зашиб розовые, с микроскопическими коготками лапки и дрожащим от боли и страха комком юркнул в траву.

Мягкая тень метнулась из пионовых джунглей, где муравьи щелкали челюстями на приторно пахнущих шарах бутонов. Она навалилась на Кожебаткина, и словно раскаленные прутья проткнули ему грудь и живот. Истошно пища, Кожебаткин вырвался и побежал, роняя темную кровь. Тень, помедлив секунду, снова прыгнула, приблизила к обезумевшему пенсионеру свой древний ацтекский лик с полупрозрачными шарами глаз, дохнула гниющей мертвечиной. И Кожебаткин с последней, спасительной ясностью понял, что всего этого не может быть, и сейчас он проснется в своей постели, где он, должно быть, заснул сидя, пока читал старую газету, и поэтому ему снится кошмар. А потом, конечно, начнется отрыжка, и кислый желудочный сок будет достреливать до самого горла… Поняв это, Кожебаткин закрыл глаза, напряженно стараясь ввинтиться обратно в явь.

Кошка Маркиза, изящно сгорбившись, захрустела жирной домовой мышью, на землю упала откушенная голова в рваном кровавом воротничке.

А в своей влажной от обильного пота постели тем временем сидел, комкая пожелтевшую газету «Сад и огород», пенсионер Кожебаткин. Свеча в литровой банке, которую он экономно жег вместо настольной лампы, давно оплыла и захлебнулась парафином. Кожебаткин смотрел водянистыми бусинами глаз в темноту и подергивал носом.

Если бы кто-то знал эту предысторию, Вьюрки заволновались бы гораздо раньше. Но трудная смерть обращенного в мышь настоящего Кожебаткина осталась незамеченной, а Маркиза, единственная свидетельница и убийца по совместительству, ушла жить в кошачье царство Тамары Яковлевны – той самой старушки, что вечно забывала повернуть вентиль.

Поэтому вскоре по Вьюркам пополз слух, что пенсионер Кожебаткин сошел с ума. Учитывая его возраст и сопутствующие обстоятельства, это не сильно удивило изнывающих не только от невозможности покинуть пределы поселка,

но и от аномально жаркой для конца августа погоды дачников. От всего происходящего действительно можно было запросто спятить.

К тому же нельзя сказать, чтобы Кожебаткина во Вьюрках любили – он был беспокойным и малоприятным стариком, от которого многим доставалось. Он, к примеру, прирезал себе землю за счет участка соседей, родителей Юльки по прозвищу Юки, и демонстративно высадил там шиповник, когда на собрании зашла речь о возвращении прежних границ. А на этих самых собраниях Кожебаткин всегда негодовал громче всех, зачитывая по бумажке целый список претензий и требуя немедленно судить неплательщиков, коммунальщиков, а иногда и саму председательшу Клавдию Ильиничну, которая бледнела, покрывалась пятнами и потом всеми правдами и неправдами старалась провести собрание без участия Кожебаткина. Все вьюрковские дети знали, что даже за одно уворованное яблоко Кожебаткин обязательно вычислит их и явится к родителям со скорбным видом и жалобой. Даже Тамара Яковлевна и Зинаида Ивановна старались побыстрее уйти по срочным, только что придуманным делам, встретив на улице распираемого недовольством и активностью пенсионера.

Дачники заметили, что Кожебаткин стал собирать все подряд. Не только грибы, ягоды, щавель – это бы не привлекло внимания вьюрковцев, которые и сами запасались кто во что горазд, подозревая, что из-за таинственной изоляции скоро придется переходить на подножный корм. Он обрывал нестерпимо кислый девий виноград, сухие прошлогодние ягоды шиповника, какие-то сорняковые стручки, подбирал огрызки и косточки, громко шебуршился ночью в помойке – сначала думали, что это ежи опять роются в мусоре. Половину найденного Кожебаткин тут же запихивал в рот, а остальное прижимал дрожащими руками к груди и уносил. Ходил он теперь в одной и той же полосатой пижаме, которая становилась все грязнее. Сразу было понятно, что умственные дела пенсионера плохи. Никита Павлов, маявшийся то похмельем, то абстиненцией и, как следствие, болезненной чуткостью к ближним, от которых ждал в ответ такой же чуткости к своим страданиям, – так вот, Никита Павлов считал, что это голодное, возможно, даже блокадное детство проснулось в Кожебаткине. Ведь безвыходные теперь Вьюрки даже нестарому и здоровому человеку вполне могут показаться осажденными. Но никто не знал, как прошло детство пенсионера Кожебаткина, да и юность тоже, и есть ли у него дети и внуки, и кем он раньше работал – хотя из-за его стремления всех судить и посадить кое-кто из соседей подозревал, что он этим по долгу службы и занимался, а теперь скрывает из-за вечно меняющихся оценок эпохи. При всей активности пенсионера о нем, оказывается, так мало знали – но об этом во Вьюрках

задумались потом.

Разговаривать Кожебаткин перестал. Одним из первых в этом убедился Валерыч, и именно кожебаткинская метаморфоза, кстати, окончательно утвердила Валерыча в решении покинуть Вьюрки любым способом. Он встретил Кожебаткина ранним утром, тот семенил по обочине ему навстречу, прижимая к груди обглодок кукурузного початка.

– Здорово, – кивнул Валерыч.

Кожебаткин резко повернул к нему сухое личико, шевельнул носом и промолчал. Валерычу стало неловко – одно дело, если бы пенсионер не заметил его, или задумался о своем, или изобразил что-то подобное. Но Кожебаткин не отводил взгляда, словно вцепившись зрачками в Валерыча, а глаза у него были внимательные и пустые. Надо было как-то выходить из дурацкого положения.

– Ну ладно, – смущенно хмыкнул Валерыч, отвернулся и сделал вид, что любуется сизыми сливами.

Кожебаткин втянул ноздрями воздух, с отчетливым наждачным звуком поскреб быстро-быстро щеку и пошел дальше. И только когда его шаркающие шаги стихли, Валерыч смог наконец расслабить спину и выйти из напряженного, неприятного оцепенения.

А потом как-то ночью проснулась в дачной кухоньке Юлька-Юки. Хоть Юки и красилась в радикальный черный и носила стальной прыщик пирсинга в пупке, ей было пятнадцать, и к одинокой жизни она пока не привыкла. Юки спала в кухонном домике, потому что там успели поставить новую дверь с крепким замком. Родители потихоньку обновляли дачу и как раз уехали на пару дней договариваться о дешевых стройматериалах, когда Вьюрки неведомым образом замкнулись сами в себе.

Юки проснулась от обычного ночного шороха и лежала, смяв пухлую щеку подушкой, ждала, когда сон возьмет верх над тревогой. И вдруг совсем не по-ночному, отчетливо грохнуло за стеной кухоньки. Кто-то задел бочку для дождевой воды, а потом прохрустел вдоль стены по гравию. И сразу стало холодно и тоскливо. В углу возле раскладушки стояла швабра, Юки захотелось

взять эту швабру и вылететь с ней на улицу с криком «кто здесь?» – чтобы закончить все разом и взглянуть на эти неведомые фигуры, о которых во Вьюрках уже многие вполголоса говорили. При свете луны, только-только пошедшей на убыль, их наверняка можно было наконец разглядеть отчетливо, без вечного балансирования на краю яви, когда плотный силуэт неизвестно кого распадается вдруг на тени и ветки, оборачивается соринкой в глазу или исполинским лопухом.

Юки не позволила себе заранее представить все варианты развития событий и испугаться, скатилась с раскладушки и резво подползла на четвереньках к окну. Начала потихоньку выпрямляться, щурясь, – как будто надеялась, что если ей будет плохо видно, то и ее будет плохо видно тоже. Пыльный край шторки лег на лоб, Юки поднырнула под него и распахнула наконец глаза.

Под белесыми лучами луны в огороде копошилось что-то крупное, морщинистое, голое. По бокам у существа шевелились острые отростки, похожие на ощипанные крылья, а головы не было совсем. Юки взвизгнула и сдавила пальцами край подоконника, а спустя секунду поняла, что это не крылья, а локти, и голова есть, просто свешивается очень низко. И по ее огороду, прижимаясь к земле и настороженно вытянув шею, ползает абсолютно голый Кожебаткин. Который грызет, не срывая, только начавшие вытягиваться кабачки.

Он воровато оглянулся, по его подбородку стекал липкий сок, и Юки даже почувствовала особую масляную скользкость этого сока, и вдруг зачесались, заныли руки, ноги, бока, как будто Кожебаткин кусал и ее вместе с нежными, тонкокожими кабачками, которые высунули из-под листьев доверчивые мордочки по привычке, решив, что это хозяйка пришла – а встретили сумасшедшего пожирателя.

– Уходите! – севшим голосом крикнула Юки, барабаня согнутыми пальцами по стеклу. – Перестаньте! Вы больной!

Она была воспитанной девочкой и даже сейчас не решилась перейти на «ты». А Кожебаткин вдруг страшно испугался не то стука, не то ее вежливой ругани, сорвался с места и нырнул в малинник. Колючие ветки сомкнулись над ним, покачались немного и успокоились, и серебристый огород снова дремал под луной, как будто ничего и не было. Только истекали соком растерзанные кабачки, и Юки морщилась у окна, пытаясь отогнать мучительно назойливое

видение голого кожебаткинского зада.

А наутро выяснилось, что кто-то ограбил магазин. На магазин, а точнее – деревянный ларек, стоявший недалеко от исчезнувшего поворота и в благословенные нормальные времена снабжавший Вьюрки кое-какими продуктами, дачники буквально молились. Торговала в нем усатая, всегда завернутая в шаль Найма Хасановна, одна из вьюрковских старожилов. После того как Вьюрки замкнулись сами в себе, магазин, слава богу, остался здесь вместе со всеми запасами. На одном из собраний было решено, что отныне он считается складом, с которого можно брать продукты, но только в случае крайней необходимости и под надзором Наймы Хасановны, записывавшей, кто, сколько и почем взял. Сначала она брала деньги, но дачники все чаще просили записать в долг, и денежный оборот как-то сам собой сошел на нет. Найма Хасановна даже обрадовалась – невозможность потратить заработанное ее расстраивала, да и брать плату с покупателей сейчас, когда все они стали товарищами по несчастью, было немного неловко.

Вор разбил окно и вытянул все, что смог достать через решетку, – несколько пачек макарон, сахара и манной крупы. Собравшиеся поужасаться на следы кражи дачники разговорились и выяснили, что это не первый случай за последние несколько дней. У кого-то подозрительно уменьшилось количество огурцов и помидоров в огороде, у кого-то пропала мука, а у рыбачки Кати бесследно исчез садок с еще живыми голавлями – она, правда, грешила на кошек.

Громче всех негодовала Света Бероева – у нее унесли гречку, причем прямо из подпола.

– Я понимаю, попросить! – рубила она ладонью воздух перед носом растерянной Кати. – Если так нужно. Но воровать! Все в одной лодке! А у меня дети!

Все, конечно, понимали, что ограбил и магазин, и соседей не безликий «кто-то», а сошедший с ума пенсионер Кожебаткин. И странное поведение его вьюрковцы уже давно заметили, и внезапную страсть к собирательству, и на своем участке его видела не только Юки – она-то как раз об этом умолчала, очень уж ей хотелось забыть омерзительную ночную картину. А Валерыч и вовсе видел, как

Кожебаткин трусит к своей даче с его, Валерыча, сахарницей в руках. Но там осталась всего пара кусочков рафинада, да и связываться с ненормальным стариком Валерычу показалось неудобно и гадко.

Бероеву так не показалось. Он подошел чуть позже, посмотрел на разбитое окно, послушал разговоры и, выцепив из толпы Никиту, Валерыча и длинношеих братьев Дроновых, отправился с ними к даче Кожебаткина, чтобы «поговорить». Причем весь свой отряд он собрал практически молча, скупыми приглашающими жестами, и дачники хоть и переглядывались тревожно у него за спиной, отказаться не смогли.

Зеленая дача пенсионера была наглухо заперта, резная веранда и все окна – занавешены тряпками, заложены какими-то фанерками и картонками. Даже щелочки не было незаконопаченной, чтобы внутрь заглянуть, и на стук никто не вышел. Бероев собрался ломать дверь, но тут Никита решился все же подать голос и начал его отговаривать – пожилой ведь человек, голодал, и с головой уже плохо. К Никите, миролюбиво рокоча, присоединился Валерыч, водивший знакомство чуть ли не со всеми Вьюрками и имевший даже в выпуклых глазах Бероева некоторый авторитет. В итоге идти на крайние меры и вскрывать дачу все-таки не стали. Договорились все вместе караулить сумасшедшего старика, когда он выйдет на промысел, а потом – проводить до дома и забрать оттуда похищенные припасы.

Но Валерычу в тот день надо было покосить траву на участке, Дроновы отправились к бывшему фельдшеру Гене пробовать его экспериментальную бражку из одуванчиков, а Бероев по неизвестным причинам во всеуслышание поскандалил со Светой, и ему тоже стало не до Кожебаткина.

С наступлением темноты Кожебаткин сам напомнил о себе. Визг и звон бьющегося стекла вспороли теплое нутро дачной ночи. Кричала, как выяснилось, председательша Клавдия Ильинична Петухова – и было удивительно, что она, важная и плавная, исполненная почти царственного достоинства, может так пронзительно визжать. Сбежавшиеся на участок Петуховых дачники обнаружили ее на веранде. Клавдия Ильинична сидела в углу, привалившись к стене, и зажимала рукой кружевную рубашку на своей обширной груди, а по кружеву расползалось страшное красное пятно…

Как оказалось, вышедшую ночью на веранду председательшу насторожило тихое шуршание из погреба. Решив, что там орудуют мыши, Клавдия Ильинична распахнула дверцу в полу и опустила вниз горящую свечу. В тот же миг из погреба чумазым голым пугалом выметнулся безумный Кожебаткин с яблоком в зубах. Председательша выронила свечу и в темноте принялась, крича, бить дикое видение по чему придется. Кожебаткин, пытаясь удрать, крутился, извивался и толкал Клавдию Ильиничну, громко щелкая зубами. В пылу боя они приблизились к окну, где Кожебаткин укусил председательшу за руку, разбил в отчаянном броске стекло и убежал.

Укушенная рука распухла, синеватые ямки от сточившихся кожебаткинских зубов снова и снова наполнялись кровью, пока Тамара Яковлевна, охая, промывала рану перекисью. Побелевшая председательша стонала, и глаза ее закатывались.

К этому времени на участке уже образовалась гудящая толпа. Многих заинтересовал вопрос, каким образом чертов сумасшедший вообще проник в запертый снаружи на задвижку погреб. Никита Павлов, по-прежнему одержимый желанием быть полезным окружающим, спустился вниз. Он долго водил свечой по воздуху, осматривая сырые холодные стены, по которым скакали тени от банок с закрутками, а потом потрясенно выругался.

Подгнившие доски в самом дальнем углу оказались частично выломаны, а за ними зияла большая дыра. В продуктовое святилище Клавдии Ильиничны Кожебаткин забрался через подкоп. Не решившись лезть в темную, полную червей и сороконожек нору, дачники принялись обыскивать участок и в конце концов обнаружили, что Кожебаткин начал свой подкоп аж за забором: там, в густой акации нашли вторую дыру и горку выброшенной земли. Сдержанное басовитое похохатывание, сопровождавшее поиски, стихло. От мысли о Кожебаткине, голым белым червем ползущем в земле под участком – участок при этом каждый представлял свой, – дачникам стало страшно. В единодушном порыве, не сговариваясь, они потянулись к улице Вишневой, на которой стоял дом Кожебаткина.

Рыбачка Катя проснулась не от визга председательши и не от гула встревоженных голосов – все это она услышала позже. Катя проснулась от странных шорохов в комнате: кто-то бродил в темноте, поскрипывая половицами. Она привычно достала из-под подушки фонарик, пошарила лучом

по углам – никого. Выключила фонарик – и снова, как будто дразнясь, зацокали по полу невидимые коготки ровно в том самом месте, куда она до этого светила.

Катя торопливо разгрызла горчащую таблетку и уткнулась носом в подушку – скорее рассерженная, чем напуганная. Успокоительного в аптечке почти не осталось, а она все чаще просыпалась по ночам от острого, с детства знакомого ощущения чужого присутствия. Это началось в первую же ночь, когда вдруг включился сам по себе бабушкин радиоприемник и из него выплеснулось оглушительное шипение, больше похожее на какой-то шуршащий рев. Катя тогда вышвырнула его в окно. А перед глазами стояла, как живая, бабушка Серафима, склонившаяся над этим приемником и осторожно, чтобы опять не сломать, крутящая ручку…

Поэтому Катя почти обрадовалась, услышав с улицы шум – нормальный, человеческий, понятный. Когда за живой изгородью замелькали огоньки, она уже стояла на крыльце и нетерпеливо всматривалась в темноту.

Мимо забора, со свечами и фонариками, в халатах и пижамах, шли дачники. Впереди, решительно нахмурившись, шагала чета Бероевых. Светка была в кокетливом шелковом халатике.

Катя подошла к калитке. Сейчас ей хотелось быть с людьми, внутри человеческой стаи. Дождавшись, пока до нее добредут отстающие старушки, она потихоньку выскользнула на улицу и пристроилась в хвост шествия.

Толпа дачников, возбужденно гудя, вторглась в заросшие снытью владения Кожебаткина. И почти сразу же кто-то глухо охнул – Тамара Яковлевна, как выяснилось. Ее нога по неизвестной причине провалилась в землю, глубоко, по самое колено. Никита и его приятель Пашка подняли жалобно причитающую бабушку, убедились, что нога цела и только испачкалась. Пашка посветил вокруг фонариком и присвистнул, увидев просевшую длинными рытвинами почву и черневшие среди травы выброшенные комья земли, похожие на результат работы целого полчища озверевших кротов. Судя по сдержанному мату впереди, провалилась не только Тамара Яковлевна. Принадлежавшие пенсионеру Кожебаткину девять с половиной соток (эту половину он забрал у соседей) оказались изрыты целой системой подземных ходов.

– Нехилая землянка, – нервно хмыкнул Пашка.

– А если он прямо сейчас там? – прошептала Катя, глядя себе под ноги.

– Ему же лучше.

В дверь забаррикадированной дачи Кожебаткина уже дробно стучали. Бероев пинал ногой, но на него посматривали с испуганным неодобрением. Вьюрковцы светили в окна, барабанили по стеклу – аккуратно, чтобы не разбить, потому что помнили непримиримую строгость пенсионера и до сих пор, как это ни парадоксально, не хотели портить с ним отношения. Пытаясь представить происходящее как не совсем обычный, но все же соседский визит, смущенно уговаривали:

– Откройте, пожалуйста!

– Александр… как его?

– Алексей, Алексей Александрович.

– Откройте, Алексей Александрович!

– А точно не Александр?

– Да ломайте уже…

И Бероев с братьями Дроновыми легко и даже с удовольствием, будто давно ждали, сняли сухую деревянную дверь с петель. Прислонили ее к стене, чтобы не мешала, посветили внутрь дачи фонариками – и остановились. Потому что на веранду невозможно было войти.

Она была полностью, от пола до потолка, забита припасами: мятыми дарами огорода, корешками и шишками, травяными вениками – Кожебаткин почему-то сохранил страсть к целебным зверобою и пижме, – неопознаваемыми объедками и великим множеством упаковок крупы, муки, сахара, макарон, соды, даже кошачьих сухариков и рыбьей прикормки. Трудно было представить, что постоянно переживающие из-за грядущего истощения запасов

«цивилизованной» еды дачники на самом деле хранили у себя в шкафах и кладовках столько всего.

– Разбирайте, – велел Бероев и первым ухватил здоровенный мешок.

Внезапно груда припасов зашевелилась, брызнула во все стороны крупа, и на непрошеных гостей бросился сам Кожебаткин. Он опрокинул Бероева и ловко отскочил обратно, прячась среди своих трофеев. Бероев схватил палку и ткнул ею в полумрак. Пенсионер снова выпрыгнул проворным чертом и укусил Бероева. На обоих, пыхтя, навалились опомнившиеся дачники, выкрутили Кожебаткину руки и надавали тумаков. Кожебаткин отчаянно извивался, выбрасывая в воздух жилистые ноги и тряся вялой капелькой плоти между ними.

– Стойте! – Катя неожиданно для самой себя ринулась к экзекуторам, но тут же провалилась в очередную кожебаткинскую нору. Щиколотка моментально налилась горячей болью. Катя неуклюже осела на землю и зажмурилась, пытаясь склеить воедино раздвоившуюся реальность. В одной темные силуэты, окруженные световыми всполохами, деловито скручивали большого, полновесного Кожебаткина, а в другой – бился в руках огромных людей растянутый за лапки серый бархатный мышонок, кося жалкой бусинкой вытаращенного глаза…

Вдруг мышь выскользнула из грубых пальцев, взвилась в воздух и еще там, не успев коснуться изрытого суглинка, изо всех сил заработала лапками, надеясь уйти в землю, скрыться, спасти свой ошметочек бессмысленной и драгоценной жизни.

Вот тут дачники и узнали, что со Светкой Бероевой что-то не так. Она подскочила к уже закопавшемуся наполовину в свою нору Кожебаткину и воткнула ему в поясницу черт знает где прихваченную огородную тяпку. Кожебаткин тонко, глухо запищал в земле. Подоспевший Бероев сунул руки в нору и выдернул оттуда барахтающегося пенсионера. Света размахнулась и с энергичным спортивным выдохом всадила тяпку в припорошенный пигментными пятнами череп Кожебаткина.

– Не на-а-адо! – закричала Катя. И в то же мгновение с неба густыми тяжелыми струями хлынул дождь.

Моментально промокшие, оцепеневшие именно на эти несколько секунд, когда все еще, наверное, можно было исправить, вьюрковцы смотрели, как дергается на земле и оглушительно пищит Кожебаткин, а Света Бероева, сосредоточенно сдвинув бровки, бьет и бьет его куда придется, взрыхляя беззащитную плоть железными зубьями, вырывая из нее кишки и жилы, точно долгие корни одуванчиков из грядки…

Когда Никита, Валерыч, Пашка и даже сам Бероев бросились к ней, вырвали тяпку – было уже поздно. Кожебаткин лежал в пузырящейся грязи неподвижной грудой, и кровь смешивалась с потревоженной землей.

– Он на меня напал! – выкрикнула, будто возражая кому-то, Света Бероева. – Это же маньяк! Что, пусть дальше бегает, за детьми охотится?!

От дождя ее тоненькие золотистые очки запотели, и слепые стекла горели в свете фонариков праведной яростью. Катя посмотрела на ее окаменевшее, рябое от брызг крови личико и вдруг поняла, что во Вьюрках остался навечно не только несчастный Кожебаткин. Света, известная ей и не слишком приятная Света Бероева, тоже никогда не выберется отсюда, даже если прямо завтра вернется на прежнее место выезд и низвергнутся с вертолетов спасатели. Потому что вместо нее выберется что-то другое. И Катю вдруг охватило чувство собственной непоправимой вины…

Ливень усиливался, небеса грохотали, а Никита Павлов, чтобы не смотреть ни на Свету, ни на Кожебаткина, смотрел на Катю. Лицо у нее было тонкое, занавешенное давно не стриженной пушистой челкой. После тех двух ночей, когда они вдвоем искали по всему поселку источник тоскливого звука, она явно его избегала – да он и сам, спасаясь от ясного ужаса, наговорил ей искреннего, личного. После такого всегда неловко.

– Ты ко мне потом заходи, – внезапно и бесцеремонно предложил ей Никита. – У меня коньяк есть. Нехорошо сейчас одному.

И Катя не возмутилась вопиющей неуместности предложения, а молча кивнула, выражая согласие со всем сразу.

А дачники тем временем вышли из оцепенения, загудели и загалдели, пытаясь хотя бы на словах примириться с тем, что только что произошло. Бывший фельдшер Гена засвидетельствовал смерть Кожебаткина, и люди торопливо отхлынули от тела и от застывшей над ним Светки, точно запечатав их, оскверненных, в невидимый пузырь. Даже Бероев стоял с непроницаемым лицом поодаль, не подходя к супруге. Толпа разбилась на группы и суетливыми ручейками потекла к калитке – никто не хотел здесь оставаться, и все верили, что со случившимся разберутся другие, более подготовленные люди. Или, что еще лучше, все как-то рассосется само собой, и о смерти сумасшедшего Кожебаткина можно будет с облегчением забыть – всякое ведь бывает, мир жесток и странен, особенно сейчас, а жить надо.

Удивительно, но в своих тихих испуганных разговорах спешившие покинуть участок дачники на все лады оправдывали Светку, на которую и взглянуть боялись. И очень быстро почти каждый, кто видел расправу над стариком и ничего не сделал, поверил вполне искренне, что дело было так: новопреставленный маньяк Кожебаткин напал на беззащитную Свету Бероеву, а она, спасая себя и детей, практически случайно его зашибла. Бероевских мальчиков давно никто не видел, Света перестала выводить их на ежедневные прогулки – наверное, решила, что за высоким забором им будет безопаснее, когда вокруг такое творится. Но сейчас они вдруг синхронно возникли в воображении вьюрковцев и попрятались в сныти, а за ними хищным бледным червем погнался Кожебаткин. Каким-то непостижимым образом все поверили в то, чего не было и быть не могло: да, мальчики были тут, вместе с родителями, и им, маленьким и невинным, грозила опасность. Лихорадочно осознавая заново окружающую действительность, которая необратимо и страшно изменилась вместе со Светой, дачники кивали, охали и соглашались: ведь непонятно уже, что это за существо-то было, – ведь убил бы, ведь мать, ведь дети…

– Случайно вышло, – убежденно кивала вместе со всеми председательша. – Понятное дело – маньяк, сумасшедший.

Катя ушла с участка последней – Никите пришлось еще постоять под фонарем, дожидаясь ее. Теперь, прихрамывая, она брела за соседом, так вовремя пригласившим ее на коньяк. У обоих бились в голове нехорошие мысли: о том, что только что, прямо у них на глазах, так нелепо завершилась самоценная человеческая жизнь; и о том, что Кожебаткин вовсе не был опасен, точнее,

оказывается, опасен был совсем не он. Какую, в самом деле, угрозу он мог представлять для многочисленных дачников в своем упоенном коллекционировании еды и рытье нор? Но никто не вмешался, не спас его – беспомощную мышку, растерзанную за крупу. И они тоже не вмешались.

Побоялись бабы с тяпкой, думал Никита. А Катя гадала, что же теперь вылупится, вызверится из Светы Бероевой…

Тут из серой пелены перед ними возникла Юлька-Юки. Потирая опухшую со сна физиономию, Юки затараторила, что слышала шум и крики: у Кожебаткина что-то случилось, и ей срочно надо посмотреть… Никита велел ей возвращаться в дачу, Катя молча покачала головой. Юки, поняв, что ничего путного от старших товарищей не добьешься, скользнула к калитке мимо них.

– Стой, тебе нельзя, не смотри! – всполошилась Катя. А Никита погнался за Юки, но она презрительно фыркнула – тоже мне, взрослый, – и, увернувшись от его длинных рук, ловко пробралась через опустевший участок к дому, к тому самому месту, где совсем недавно…

Никита, догнав ее в два прыжка, вдруг остановился и облегченно выдохнул. Махнул рукой Кате, что можно не торопиться, и тут наконец задумался – а в чем, собственно, облегчение, если все стало только страннее?

Возле крыльца ничего не было. То есть была взбитая множеством ног грязь, следы и пятна загустевшей крови. А вот Кожебаткина не было, ни в каком виде.

– А где… – начала было подоспевшая Катя и умолкла. Слишком диким, да и ненужным казался в рассветной мороси, среди яблонь и приторно благоухающих пионов, вопрос «А где труп?» Пусть лучше так все и будет.

Как будто ничего. Никогда. И Света Бероева осталась прежней.

– Что случилось-то? – недоумевала Юки.

– Не знаю, – честно ответила Катя и повернулась к Никите, – ты вроде про коньяк говорил…

Война котов и помидоров

Тамара Яковлевна и Зинаида Ивановна были известны во Вьюрках своей долгоиграющей дачной дружбой. За жизнь старушки-соседки цеплялись крепко, как легкие сухие репьи. Никто в поселке не знал точно, сколько им лет: многие родились, выросли и даже состарились уже при них. Они вместе копались в огородах, вместе бродили по лесу, выковыривая из лиственной падали беломясые сыроежки и боровики. Вместе пили чай у Тамары Яковлевны перед не умолкшим еще телевизором, деликатно отламывая хлеб, сушки, сыр – есть сразу целиком им, детям тощих времен, казалось неприличным. Вместе предвкушали, как приедет Саша-Леша-Миша и выкосит наконец крапиву перед калиткой, поправит кривую туалетную будку, сделает забор. Саши и Леши приезжали, грызли шашлыки, надувались пивом, как ночные комары, до звонкого натяжения – и уезжали, пообещав в следующий раз уж точно сделать, починить, покосить.

Тамара Яковлевна увлекалась двумя вещами – просмотром телевизора и кошками. Кошек на тот момент было три: Муська, Кузька и Барсик. Зинаида Ивановна телевизором увлекалась тоже, даже теми же передачами – про тайные знаки судьбы, роковые проклятия, божьи чудеса и прихоти гороскопов. А вместо кошек у нее были сад с огородом. В отличие от Тамары Яковлевны, которая из года в год сажала одно и то же – зелень, картошку, да и пусть растет как получится, – Зинаида Ивановна выращивала и помидоры с баклажанами, и странную капусту кольраби, и даже парниковые арбузики. По зеленым, невозделанным по большей части угодьям Тамары Яковлевны лениво прогуливались коты, а у Зинаиды Ивановны каждый клочок был приспособлен под грядку или клумбу, и все было взрыхлено и прополото с необыкновенным старанием. Таким образом, граница между участками была видна довольно отчетливо, несмотря на отсутствие забора, который дети и внуки никак не удосуживались поставить.

Из-за этого забора все и случилось.

Однажды утром Тамара Яковлевна обнаружила на своем участке, у самой границы, кучку травы, присыпанную увядшими цветами. Как раз накануне Зинаида Ивановна говорила, что надо бы найти место под новую компостную кучу. И вот, значит, нашла. Скорее всего, в чужие владения она вторглась

случайно, но Тамаре Яковлевне все равно стало неприятно. Ведь обе они знали, где проходит граница, и поболтать останавливались, не переступая через нее, каждая на своей земле, и даже в гости не ходили напролом, а только через калитку, как будто забор между участками существовал на самом деле.

Тамара Яковлевна вернулась с лопатой и аккуратно перекинула чужие сорняки обратно на соседкину территорию.

Вечером Зинаида Ивановна заглянула в гости с обещанным вареньем из ревеня со стевией, не всякому известной сахарозаменяющей травкой. Вьюрки успешно осваивали подножный корм, и дачники уже задумывались – пока молча, – что же будет, когда иссякнут запасы сахара, масла, муки и прочих ныне недоступных продуктов.

Варенье было кислое и странное. Старушки макали в него баранки, которых у запасливой Тамары Яковлевны было еще пять упаковок, обсасывали их замшевыми губами, обсуждали давление, укроп и жару. Разговор сочился как-то скудно, несмотря на взаимные улыбки и похвалы варенью. О компостной куче не было сказано ни слова.

На следующее утро, едва блеклый рассвет разлился по старым яблоням, Тамара Яковлевна вышла из своей дачки. Ее прямо тянуло к воображаемому забору, на место, оскверненное вчера чужим посягательством. Не то чтобы она внезапно и полностью утратила доверие к соседке – просто надо было на всякий случай посмотреть.

Заготовка под компост, увеличившаяся в объеме и присыпанная землей, вновь оказалась на территории Тамары Яковлевны. Более того, Зинаида Ивановна уже ее обустроила, подперев по бокам кусками шифера и битыми кирпичами.

Тамара Яковлевна постояла немного на месте, шумно дыша и покрываясь красными пятнами, и отправилась за лопатой. Растительный мусор был возвращен владелице, а сверху для пущей внятности припечатан шифером. Куски кирпичей Тамара Яковлевна воткнула в землю, решительно обозначив ими фрагмент отсутствующего забора.

Зинаида Ивановна сжала губы в сизую ниточку, когда увидела, что ее многолетняя приятельница не только разрушила компостную заготовку, которую вчера, как наивно полагала Зинаида Ивановна, раскидали кошки, но еще и завалила гниющими сорняками и шифером клумбу с анемонами и вдобавок устроила какую-то нелепую оградку из кирпичей, присвоив себе метровую полосу чужой земли. Зинаида Ивановна прекрасно помнила, где проходит их воображаемый забор.

Трепеща от обиды, она отправилась к Тамаре Яковлевне. По дороге споткнулась об какую-то из кошек, отчего обиделась еще больше. У Зинаиды Ивановны на кошек была аллергия, а Тамара Яковлевна считала, что это не болезнь, а модная блажь, и никогда не выпроваживала животных из комнаты, когда Зинаида Ивановна принималась сдержанно чихать в платочек.

Скандал вспыхнул молниеносно, хотя со стороны это было не очень заметно.

– Извините, Тамара Яковлевна, но компост…

– Нет-нет, это вы извините. Я уж решила сама все убрать, вас разбудить боялась.

А ведь вчера, за кислым вареньем, они обсуждали, как раньше все на заре вставали, трудились, а сейчас молодежь спит до полудня, и все им на блюдечке подавай. Намекает, мегера, в долгом сне обвиняет, в замене дачной работы дачным же непростительным отдыхом…

– Да, умаялась вчера, работы-то сколько, – процедила Зинаида Ивановна. – Вот у вас, я понимаю, тишь да гладь – сиди, отдыхай.

– Но вы же, я надеюсь, не обиделись? – засвистела, как готовая выметнуться из травы змея, Тамара Яковлевна.

– Глупости какие, это вы простите за беспокойство. – Побелевшие глаза Зинаиды Ивановны дрожали за стеклами очков. – Всего вам доброго, Тамара Яковлевна.

И она неспешно поплыла в теплом неподвижном воздухе обратно на свой участок. Причем не через калитку поплыла, а напрямую, через воображаемый забор.

Тамара Яковлевна смотрела ей вслед долго и пристально.

И потянулась с этого дня цепочка мелких неприятных событий, которые по отдельности яйца выеденного не стоили и уж точно, по отдельности опять же, не вызывали подозрений в намеренном вредительстве. Кто-то обобрал у Зинаиды Ивановны всю вишню – росло деревце на краю участка, у настоящего, не воображаемого забора, но и невидимая граница проходила рядом, так что подобраться к глянцевым ягодам можно было с какой угодно стороны. Потом охромела кошка Тамары Яковлевны – может, упала неудачно или со своими подралась, а может, и человек зашиб. Клумба с любимыми лилиями Зинаиды Ивановны начала пахнуть совсем не лилиями, и в ней обнаружилась гниющая рыбина – может, те же кошки притащили, а может, закинул кто. А потом ранним утром Тамара Яковлевна заметила Зинаиду Ивановну, крадущуюся по ее владениям в ночной сорочке и с помойным ведром в руке. Тамара Яковлевна шумно распахнула окно и сердечно поприветствовала соседку. Зинаида Ивановна, лучисто улыбаясь, сказала, что вот угол решила срезать до своей компостной кучи, которая теперь, вы уж обратите внимание, обустроена не на спорной, а на самой что ни на есть ее собственной территории.

– А солнце-то какое с самого утра, – не сводя неподвижного взгляда с соседки, сказала Тамара Яковлевна.

– Припекает, – согласилась Зинаида Ивановна, у которой от напряженной улыбки уже ныли щеки.

На том и распрощались. Посрамленная диверсантка побрела к себе, а Тамара Яковлевна захлопнула окно так победоносно, что прищемила палец.

Ночью Зинаида Ивановна проснулась, подброшенная на кровати собственным громовым чихом. Темнота взглянула на нее желтыми глазами с мерцающей рыбьей пленкой в сердцевине. И Зинаида Ивановна поняла, что на груди у нее тугим удушающим шаром лежит кот.

– Брысь! – нелепо громким в мягкой ночной тишине голосом вскрикнула Зинаида Ивановна.

Глухо рыча, кот заметался по комнате, уронил что-то, ударился в закрытое окно и наконец удрал, подцепив дверь лапой. Зинаида Ивановна, схватив халат, кинулась следом, чтобы уж наверняка выгнать зверя. Спросонья ей казалось, что кот подослан Тамарой Яковлевной с какими-то коварными целями. Оставляя во тьме пунктирный след из упругого топота и дребезжания потревоженных предметов, зверь бежал на веранду. Выскочив за ним, Зинаида Ивановна оторопела. Уже не одна пара, а целое ожерелье горящих кругляшков уставилось на нее – и раздался басовитый дружный вой. У Зинаиды Ивановны сдавило горло – не то от аллергии, не то с перепугу, и она поспешно захлопнула дверь. А по веранде тем временем метались звери, тянули свое тоскливо-злобное «у-у-о», звенели заготовленными под соленья банками. Подослала Тамарка кошек, думала Зинаида Ивановна, беспомощно отступая в свою спаленку, конечно, подослала, предательница…

А Тамара Яковлевна обнаружила, что дорожки на ее участке успели обрасти за ночь кусачей крапивой и вонючим красным пасленом, похожим на мельчайшие помидоры, и беленой, которую она помнила по деревенскому детству, а во Вьюрках и не видела никогда. И шиповник, и цепкие колючие побеги малины пробивались из-под земли там, где еще вчера росла только мягкая трава. Заметила все это Тамара Яковлевна не сразу, сначала никак не могла понять, отчего так жжет и щиплет ноги. А заметив, поспешила к сараю, чтобы взять перчатки, тяпку и избавиться от растительных захватчиков.

И остановилась на полпути, пораженная совершенно неправдоподобным зрелищем: весь сарай был опутан плетьми «бешеного огурца». Его много росло на берегу реки, и дети с удовольствием кидали об асфальт колючие взрывающиеся огурчики, хоть им и объясняли по сто раз, что они ядовитые. Но чтобы эта гадость выросла на участке, да еще за одну ночь, причем сразу с плодами… Зеленые плети оплетали старый, хлипкий сарай так густо и плотно, что казалось – он вот-вот затрещит под их напором.

Ядовитый шипастый шарик лопнул с сухим хлопком. Тамара Яковлевна вздрогнула.

Она, конечно, сразу поняла, что все это – дело рук Зинки. Всегда Зинка ей завидовала, и что дом у нее – полная чаша, и внуки вон какие красавцы, и даже телевизор на даче есть. А каким образом она устроила это молниеносное вторжение жгучего, колючего, ядовитого – дело десятое. Может, порчу навела. В

последней передаче, которую успел показать телевизор, речь как раз о порче и шла. И Зинка эту передачу тоже смотрела, и баранками хрустела, неблагодарная.

На веранде огорченную и исцарапанную Тамару Яковлевну ждали кошки. Они сгрудились вокруг тумбочки с телевизором, на ослепшем экране которого еле заметно светился бледно-серый кружок: бывало с ним такое в последнее время: то кружки, то точки какие-то появлялись – кинескоп, как видно, окончательно доламывался.

Только кошек было не три, а целых шесть – Муська, Кузька и Барсик друзей привели. Кошки смотрели на Тамару Яковлевну внимательно и, как ей показалось, сочувственно. Она погладила худые полосатые спинки, и кошки страстно заворковали, стали тереться, биться о покрытые волдырями ноги меховыми волнами. Боль утихала от мягких прикосновений, а Тамара Яковлевна постепенно успокаивалась – кошки любили ее, жалели, хотя бы на них она могла положиться после потери подруги. Ведь была, была вероломная Зинка ей подругой, родной душой, и сколько лет дружили, и как она не заметила, когда проросла в Зинкином сердце беленой завистливая злоба…

Зинаида Ивановна, напротив, чувствовала себя прекрасно. Понаблюдав в окошко за тем, как соседка, дуя на обожженные руки, воюет с крапивой и дурман-травой, она преисполнилась уверенности, что есть все-таки справедливость на белом свете. Сама природа проучила мстительную, как ее проклятущие коты, Тамарку – пусть по мелочи, но проучила ведь. Удовлетворенно вздохнув, Зинаида Ивановна накинула любимый зеленый платок и отправилась прогуляться. Мимо забора Тамары Яковлевны она прошла молча и нарочито медленно.

Вернулась она через пару часов, успев пожаловаться на тяжелый характер соседки нескольким знакомым и собрать сведения о том, что происходит в поселке. Пропало еще два человека – пенсионер с Цветочной улицы и Таня, скандальная и несчастная женщина, которая каждое лето проводила во Вьюрках со слабоумным сыном; местный огородный гуру Валерыч вознамерился во что бы то ни стало найти выход «в мир», и все его отговаривали – ведь так люди и исчезают: шаг за ограду – и все, пропал дачник; на участке нелюдимого

скульптора, известного в поселке своей коллекцией спасенных из заброшенного лагеря гипсовых пионеров, какие-то озорники поставили необыкновенного глиняного урода, и был скандал; мужа Светки Бероевой что-то давно не видно. Странности обсуждались уже без вытаращенных глаз и хватаний за сердце – дачники начинали привыкать к новой необъяснимой жизни с ее причудливыми, темными законами.

Размахивая перед носом веточкой чернобыльника, отдающей душистой горечью, Зинаида Ивановна открыла калитку. И растущие у калитки кусты, со страшным визгом придя в движение, вдруг прыгнули на нее. У Зинаиды Ивановны потемнело в глазах, сердце больно провалилось куда-то вглубь – и она не сразу поняла, что прыгнули не на нее, а во все стороны, и не кусты, а кошки из кустов, и визжали, а точнее, истошно мяукали тоже они. Чернобыльник выпал из пальцев, в нос ударил едкий кошачий запах, и Зинаида Ивановна увидела, что за время ее отсутствия на участок был совершен разбойный налет.

Весь огород, все цветники оказались изрыты, лилии и розы увядали на земле, поломанные и вырванные с корнем, на грядках рдела выкопанная свекла, в теплице зияли дыры, через которые было видно растерзанные томатные кусты. Острый запах, заглушавший густой аромат высыхающих растений, следы, клочки шерсти вокруг не оставляли сомнений – все это сделали кошки.

Стремительно наливающийся аллергический отек милосердно лишил Зинаиду Ивановну обоняния, и она начала чихать. На эту оглушительную очередь из своей дачи выглянула сонно моргающая Тамара Яковлевна – она полдня возводила ограду на месте воображаемого забора, а сейчас, утомившись, задремала. В общем-то, воткнутые в землю палки и оградой назвать было нельзя – так, пунктирное обозначение границы. И, конечно, ни от чего эти палки оградить не могли – в чем Тамара Яковлевна немедленно и убедилась, увидев решительно идущую к ней напролом Зинаиду Ивановну.

Лицо соседки застыло в каменном напряжении, только ноздри трепетали, и Тамара Яковлевна успела подумать, что неплохо было бы запереть дверь. Но тут ветви растущего под окном шиповника – когда только вымахать успел – пришли в движение, точно на них подула узконаправленная струя сильного ветра, и с размаху хлестнули по стеклу. Удар был такой сильный, что стеклянные брызги разлетелись по комнате, чудом не задев Тамару Яковлевну, а секунду спустя колючие ветви, повинуясь уж точно не ветру, втиснулись через пробоину внутрь.

Тамара Яковлевна в молчаливом оцепенении отступала к двери, а шиповник, шевелясь по-осьминожьи, стремительно рос, точно в ускоренной съемке. Он шустро полз по подоконнику и стенам, сбрасывая баночки и чашечки, срывая календари и фотографии. А в эпицентре колючего смерча, в оконной дыре, где оставался пока не заросший «глазок», разгневанной гарпией маячила идущая к дому Зинаида Ивановна.

Вдруг Тамара Яковлевна почувствовала, как вздрагивает дверь, к которой она прижималась спиной. Что-то билось и скреблось в нее, пытаясь открыть, и Тамара Яковлевна ужаснулась – неужели управляемые ведьмой Зинкой растения зашли с тыла и уже проросли в дом? Но из-за двери послышалось знакомое требовательное подвывание, и Тамара Яковлевна с привычной торопливостью распахнула ее, чтобы впустить бедняжек, наверняка напуганных творящейся чертовщиной.

Стая кошек, басовито вопя, влилась в комнату, растеклась по полу многоцветным меховым ковром и набросилась на ползущие по стенам ветки. Во все стороны полетели шерсть и листья. Придя наконец в себя, Тамара Яковлевна схватила швабру и с яростным криком, почти ничем не отличавшимся от кошачьего, тоже кинулась в атаку. Вместе они одолели озверевший шиповник и бросились к окну, готовые продолжать сражение. Но из окна больше не было видно ни участок, ни ведьму Зинку. Теперь за ним вздыбились зеленой стеной настоящие джунгли: тут были и белена, и дурман, и крапива, и болиголов, и главный бич дачников – неистребимый борщевик. Костлявая кошка-трехцветка, самая смелая и глупая, прыгнула на подоконник, и ядовитые стебли качнулись навстречу.

– Кис-кис! – панически позвала Тамара Яковлевна. Мысль о том, что животное отравится и погибнет в муках у нее на глазах, была невыносима. Кошка не оборачивалась и шипела на одуряюще пахучий дурман. Тамара Яковлевна аккуратно спихнула ее шваброй на пол, и зеленая стена за окном тут же перестала волноваться.

Прижимая к лицу тряпочку, чтобы не нанюхаться всей этой отравы, Тамара Яковлевна быстро заткнула дыру в окне подушкой и отступила обратно в глубь комнаты. Вокруг ее ног вились взъерошенные, готовые к бою кошки. Тамара Яковлевна решительно скрестила на груди руки, покрытые набухающими кровью царапинами.

– Вот ты как, значит, – прошептала она, и кошки ответили возбужденным воем. – Ну, смотри у меня. Ну, смотри…

И вскоре во Вьюрках опять стали происходить нехорошие изменения. Были они поначалу такими мелкими, несущественными, что даже самые чуткие из привыкших держать ухо востро дачников не насторожились. Разве можно было заподозрить неладное из-за того, что болиголов на пустырях как будто стал гуще, а вдоль дорог начали расти крохотные, совсем, видно, одичавшие помидоры. Или из-за того, что вдруг активизировались вьюрковские кошки – дачники и не знали, что бесшумные кругломордые зверьки водятся здесь в таком количестве. Или потому, что огородная и вообще всяческая зелень пошла в бурный рост, что легко объяснялось теплом и регулярными дождями. Наоборот, дачники обрадовались, надеясь на небывалый урожай, загремели банками. Электричество пока подавалось бесперебойно, но ведь неизвестно, откуда оно идет, и сколько это продлится, и не останутся ли они в ближайшем будущем без холодильников – а закрутки и в подвале долго простоят.

Потом Леша Усов из шестой дачи, которого все знали как Лешу-нельзя, поскольку иначе шумная мать его и не называла, наелся мелких помидорок до сизой пены на губах. Лешу откачали, к помидоркам пригляделись и установили, что никакие это не помидорки, а ядовитый паслен.

Катя проснулась на рассвете, вскинув голову с влажной, жаркой подушки:

– Поле горит!..

И, вынырнув окончательно из тут же забывшегося сна, увидела в окне пустельгу, вертолетиком зависшую над соседним участком. Буроватая, как все пригородные птицы, она быстро била крыльями, оставаясь на месте, точно приколотая к нежному утреннему небу. Катя засмотрелась, она вообще любила наблюдать за всякой живностью, и тут произошло неожиданное. Качнулась ветка калины, и с нее вверх серым метеором метнулась кошка. Взлетев на необыкновенную, птичью высоту, кошка закогтила пустельгу и вместе с добычей упала вниз. Все случилось очень быстро, и утро продолжалось, будто ничего не было, только перышки танцевали в воздухе. Но Катя сразу решила, что сегодня никуда не пойдет – куда безопаснее будет спрятаться в недрах знакомой с детства дачки, самоустраниться, переждать. Она уже научилась заранее чуять

странности по малейшему сдвигу в привычном ходе вещей.

Отправившись вечером принять душ, Ленка Степанова с Вишневой улицы с головы до ног обожглась крапивой, почти вся ее кожа превратилась в горячий красный отек. Пока родители поливали ее из шланга, Ленка плакала и уверяла, что крапива сама собой, мгновенно выросла вокруг нее в деревянной душевой будке. Степанов-старший, человек все еще здравомыслящий, пошел проверить и убедился, что крапива действительно имеется и растет прямо сквозь щели в полу так густо, что в будку невозможно войти.

У бывшего фельдшера Гены, человека с недавних пор для Вьюрков совершенно незаменимого, не то кроты, не то еще какие твари в одну ночь так изрыли огород, что пропало все, даже чеснок с укропом.

На шестилетнюю Анюту напали кисы. Анюта прилетела домой зареванная и исполосованная, а кисы молчаливой стаей неслись следом и потом бились в дверь и в окна на глазах ошалевшей Анютиной бабушки.

Раздолбаю Пашке, который часто приезжал на пустую дедову дачу то в мотоцикле покопаться, то на гитаре побренчать – так он и застрял в ту ночь во Вьюрках, – так вот, Пашке куст боярышника сделал внеплановый пирсинг. Как утверждал Пашка, сам себе с перепугу кивая и подмигивая, ветки вдруг потянулись к нему, и он даже понять ничего не успел, а длиннющие боярышниковые иглы уже впились ему в лицо, прокололи насквозь щеку в двух местах, зацепили ухо и только чудом не проткнули глаз.

У Наймы Хасановны, хозяйки превращенного в склад магазинчика, задрали козленка. Взрослую козу, вьюрковское молочное сокровище и Наймину гордость, не тронули, но козленка было очень жаль. Хорошо хоть, мясо не пропало – неустановленные звери освежевали козленка заживо, раскидав клочки шкуры по всему двору, словно играли с ними, а тушку только пожевали в нескольких местах. Дачники забеспокоились всерьез – значит, в округе завелись опасные хищники, которые убивают не ради еды, а просто так.

А на следующую ночь после гибели козленка бессменная председательша Вьюрков Клавдия Ильинична Петухова проснулась от треска и густого травяного запаха – точнее, даже дымки из мельчайших капелек растительного сока, повисшей в воздухе. Клавдия Ильинична ушла спать во флигель от

оглушительного храпа супруга, перестаравшегося с дегустацией яблочной бражки. И теперь стены этого флигеля ходили ходуном, ел глаза густой, одуряющий запах, и откуда-то доносился вдобавок утробный вой, точно в самой ткани ночи пораскрывались вдруг округлые рты.

Председательша пощелкала выключателем, удобно расположенным прямо над изголовьем, но света не было. Мобильный она давно не заряжала за ненадобностью. Где-то в прихожей на крючке висел фонарик, предназначенный для ночных походов по участку… Клавдия Ильинична спустила ноги с кровати и вскрикнула от боли. Глаза уже привыкли к темноте, и она отчетливо увидела на полу шевелящийся ковер. Запах, знакомый и ненавистный любому садоводу, не оставлял сомнений – по флигелю расползалась зубчатая крапива.

Звякнув, вылетело стекло. Стены трещали уже по-серьезному, как арбуз под пальцами знатока. Тугой шерстяной ком с воплем заметался по комнатке, круша и разбивая, сорвал штору, мягко упавшую на Клавдию Ильиничну. Темнота за окном, казалось, была гуще, чем внутри, и она как будто давила на стекло. Да, точно, давила, и с ледяным хрупаньем по нему уже бежали невидимые трещины…

Важная и решительная Клавдия Ильинична поступила так, как поступают маленькие дети при пожаре, наводнении или другом взрослом ужасе. Она с головой завернулась в одеяло, обмотала его вокруг себя коконом – и принялась кричать так громко, как только умела.

С помощью сбежавшихся соседей супруг Петухов спас Клавдию Ильиничну, а вот флигель отстоять не удалось. На глазах изумленных дачников он был смят и сплющен движущейся растительной массой, и во все стороны брызнули кошки, как семена из «бешеного огурца» – которого в этой массе было, кстати, очень много.

Клавдия Ильинична, уже не в первый раз переживавшая жуткие ночные происшествия, быстро пришла в себя и вспомнила, что она – ответственное лицо.

– Это что же творится-то, а? – особым председательским тоном спросила она у сонных, растерянных дачников. – Вы вокруг посмотрите, это что же такое?!

И вьюрковцы огляделись, водя по сторонам фонариками.

Вокруг высились жгучие и колючие заросли, над которыми раскинулись гигантские соцветия борщевика, этой марсианской отравы, свалившейся на пригороды невесть откуда в последнее десятилетие и через зонты-антенны, очевидно, передававшей сигналы в свой ядовитый мир. В зарослях мелькали быстрые звериные тени, сверкали круглые глаза, слышались вой и шипение.

Непонятно, как и когда, но Вьюрки превратились в джунгли.

– Ведь надо с этим что-то делать, товарищи! – возвысила голос Клавдия Ильинична.

Дачники неуверенно загудели.

– Искать надо, откуда оно идет, – сказал Валерыч.

– Это как?

– А так. Где гуще всего, оттуда и идет. Там и решать надо.

Слово «решать» Валерыч произнес так безапелляционно, будто сразу приговорил загадочную напасть к высшей мере, и дачники загудели уже гораздо увереннее.

– Идем, – коротко бросил Петухов, в котором еще бродила отвага от выпитого накануне. – Только возьмите чем отбиваться. Кошки совсем очумели.

И вьюрковцы, вооруженные дачным инвентарем, отправились в путь, прорубаясь сквозь белену и крапиву с мрачным упорством конкистадоров-первопроходцев.

Дачные джунгли волновались, лезли в лицо и брызгали жгучим соком. На свет фонариков огромными мотыльками кидались кошки. Влажная растительная чаща постепенно сгущалась вокруг уставших, покрытых багровыми ожогами дачников и в конце концов стала совершенно непролазной. Озираясь по сторонам, Петухов заметил вверху смутное, еле различимое в мареве травяных

испарений пятно света и понял, что это фонарь. Прикинув, сколько было пройдено и в какую сторону, он догадался, что они дошли до того места, где раньше был выезд, – именно там, у несуществующего ныне поворота, стоял высокий фонарный столб. А что если вся эта шевелящаяся растительная масса ползет снаружи… Петухова прошиб пот, и он физически ощутил, как облепляет его темнота.

– Свет нужен! – крикнул он истончившимся вдруг голосом. – Не видать ничего! Огня бы, а?

Из джунглей молча прилетела и впилась ему в живот кошка. Клавдия Ильинична отбросила ее обратно черенком граблей.

– Я сейчас! – объявил раздолбай Пашка и начал прорубаться куда-то в сторону. Дачники тревожно заголосили. Кто-то из молодежи молча полез за Пашкой.

– Мы к выезду вышли! – выкрикивал стремительно удаляющийся Пашкин голос. – А я тут живу, через дорогу! Я сейчас!

Слабые лучи фонариков тонули во тьме, пятно света вверху исчезло. Вьюрковцы беспокойно переминались с ноги на ногу и жались друг к другу. Только сейчас они начали понимать, что цель похода была обозначена несколько расплывчато и что дальше делать – непонятно. Все вокруг шуршало, тянулось к ним, чтобы обжечь или уколоть. Истошно выли невидимые кошки, то и дело из джунглей вылетал шипящий меховой клубок, чтобы торопливо впиться в человечью плоть и тут же исчезнуть. Пока зверей удавалось кое-как отгонять, но исполосованы и искусаны были уже все.

– Фонари погасите, – посоветовал Валерыч. – На свет летят.

– А без света как?

– А если этот дуролом вообще не вернется?

– Да если и вернется – толку от него…

Но кошки все наступали и наступали, мерцая злыми инопланетными глазами. И фонарики стали гаснуть. Тоскующий по свету Петухов выключил свой последним.

– И чего поперлись… – после долгого молчания вздохнул кто-то.

– Ну найдем, откуда идет, а дальше?

– Могли бы и до утра подождать.

– Вот точно-точно.

– Очень удобно выражать всякие мнения, когда ничего не видно, – громко заметила Клавдия Ильинична. – Анонимно, как молодежь говорит.

– Ого-онь! – заорали сбоку, будто давая команду на залп. Отдавший в свое время интернациональный долг Валерыч даже пригнулся. Булькнуло, щелкнуло, и по кусту борщевика, внезапно выступившему из темноты, забегали прозрачные синие огоньки, а потом он, сухой и полый, вспыхнул и стал похож на горящего гуманоида: зонт – голова, стебли – руки.

Это Пашка, любитель шашлыков, приволок все свои запасы жидкости для розжига, полный рюкзак, и теперь остервенело поливал ею зеленые стены вокруг. Дачники начали щелкать зажигалками, кто-то обжегся и вскрикнул.

– Не надо сразу, пусть пропитается…

– Куда на меня, на меня-то куда?!

– Поджига-ай!

Ядовитые джунгли заполыхали сразу в нескольких местах. Они корчились и пытались в последнем рывке навалиться на поджигателей, роняя тлеющие струпья листьев. Почуяв опасность, по зарослям с визгом заметались тучи кошек. Они впивались в руки, ноги, лица, дачники отбивались чем придется, но кошки бумерангом прилетали обратно. Валерыч стащил рубашку, полил на нее из пластиковой бутыли, поджег и стал вслепую бить направо и налево, помогая

себе топором.

– Сго-рим к хре-нам, – отрешенно повторял он, медленно продвигаясь вперед. – К хре-нам…

Первой заметила зарево Тамара Яковлевна. Она приподнялась на кровати, зашевелилось одеяло, покрытое теплыми котами. Осторожно, чтобы ненароком не наступить на питомцев, которым она уже потеряла счет, Тамара Яковлевна подошла к окну и увидела столб огня у самого забора. Поодаль лизали тьму еще несколько. Тамара Яковлевна охнула – пожар. Мало ей Зинкиных козней, так теперь еще и это. За помощью надо бежать, а как тут побежишь, как продерешься, если все Зинкиной крапивой и дурманом заросло. Спасу не было от этой зеленой дряни, хорошо хоть, кошки ей помочь пытались, душеньки невинные. Грызли, выкапывали – и не травились вроде, знают животные, что есть можно, а что нет.

Тамара Яковлевна толкнула дверь – ну точно, не открывается, опять «бешеным огурцом» затянуло или шиповником каким. Зинка ее постоянно так замуровывала в даче, и окон целых не осталось, еле успевала дыры затыкать тряпками, и стены проломило, непонятно, как дом вообще еще держался. Зарево разгоралось все ярче, и Тамара Яковлевна испугалась – ведь так и сгореть можно, и не поможет никто. Пожар тоже Зинка небось устроила, ведьма.

И тут забор затрещал – но не от огня, его определенно кто-то рубил. Ошарашенная Тамара Яковлевна молча наблюдала, как ломают ее и без того ветхую ограду – теперь на фоне зарева были различимы силуэты людей. Тех самых людей, к которым она собиралась бежать за помощью. Размахивая топорами, вилами, какими-то палками, они продвигались к дому Тамары Яковлевны. И к дому ее соседки тоже, толпа даже не замечала линию воображаемого забора. Пинали кошек, рубили отчаянно хлещущие их ветки, цветы, отяжелевшие от плодов плети помидоров, винограда – всю ту изобильную садово-огородную роскошь, которая заполонила с недавних пор участок Зинаиды Ивановны. Сквозь треск слышались злые и деловитые выкрики, люди бесчинствовали на чужой земле азартно, с удовольствием. Факелы и топоры, думала в ужасе Тамара Яковлевна, совсем как в Средневековье, когда с ними приходили жечь ведьму.

Из памяти вдруг вынырнуло измятое страдающее лицо всеми старательно забытого Кожебаткина. А ведь тогда так же было – вломились ночью, толпой… Обыкновенные люди, дачники, соседи, соратники по борьбе с тлей и засухой, у которых она еще думала искать управу на Зинку – в последнюю, конечно, очередь, чтобы зря не беспокоить.

А Зинка-то спит небось и ничего не знает, заволновалась вдруг Тамара Яковлевна. Она же там одна совсем. Обе они и были всегда совсем одни, одни друг у дружки – детей не дождешься, у внуков не допросишься, а соседям какое вообще до них дело. Тюкнут тяпкой, как Кожебаткина, – и все, и вроде как их тоже не было. А когда у нее в прошлом месяце тяпка сломалась, Зинаида Ивановна ей свою отдала. Прямо так, без возврата. И вареньем из ревеня угощала, и баранками, и так хорошо они пили чай перед телевизором в прежние, нормальные времена. Всякое они, конечно, наговорили друг другу, и наделали тоже всякого, но Зинаида Ивановна уж точно не пришла бы к ней ночью, разломав забор, с огнем и топором…

И был-то на всем свете один проверенный, порядочный человек – Зинаида Ивановна, интеллигентная женщина, добрая, внимательная; всегда ведь думалось – как с соседкой повезло. Тамара Яковлевна опустилась на кровать, прижала к груди глупую кошку-трехцветку и заплакала – от страха, бессилия и от того, что натворила сгоряча таких непоправимых глупостей.

Зинаида Ивановна тем временем тоже сидела у окна, смотрела сквозь завесу девьего винограда на приближающуюся толпу, которая топтала беззащитные лилии и нежные сахарные арбузики, – и тоже плакала. И думала, что бес, бес ее попутал; рассказывали же по телевизору, как путают бесы хороших людей, заставляют творить невесть что, а она ведь хорошая, она никому зла не желала, и Тамара Яковлевна хорошая, что же они наделали…

Ветки, с шумом колыхнувшись напоследок, замерли, как им и полагается в безветренную ночь. Умолкли и растворились в темноте кошки. Взбудораженные дачники еще пару минут сражались по инерции, пока не заметили наконец полное отсутствие сопротивления. Только огонь потрескивал.

Перемазанный сажей Валерыч включил фонарик и поводил им по сторонам. Зверей нигде видно не было. Заросли пожухли и как-то поскучнели, за одно

неуловимое мгновение превратившись из растительных монстров в обыкновенные сорняки. Это ж сколько полоть теперь придется, по-хозяйски подумал Валерыч, запущено-то все как.

– Затаптываем огонь, затаптываем, песку надо, земли! – спохватившись, принялась командовать председательша.

Тамара Яковлевна испуганно подпрыгнула, услышав стук в дверь. Зарево погасло, но на участке еще слышались шум и голоса. Решив, что разъяренная толпа линчевателей стучаться все-таки не станет, Тамара Яковлевна осторожно отодвинула щеколду, но цепочку оставила.

На пороге стояла взволнованная Зинаида Ивановна, в ночной сорочке и с фонариком.

– Вы уж извините, если что не так… – всхлипнула она. – Если вдруг там что, простите, бес попутал…

– Нет, нет, это вы меня простите, Зинаида Ивановна. Если вдруг чем обидела…

Тамара Яковлевна просунула в щель под цепочкой дрожащую руку, Зинаида Ивановна порывисто ее пожала. И соседки вежливо, с облегчением друг другу улыбнулись.

Дачные джунгли засохли в несколько дней. Кошек у Тамары Яковлевны прибавилось – теперь в даче и около паслось штук десять, все мирные и ленивые. А остальная стая как-то сама собой рассосалась.

Вьюрковцы, так и не понявшие, что же было причиной природного бунта, еще некоторое время посматривали на котов и крапиву с подозрением. Подозрения все не оправдывались и не оправдывались, коты терлись об ноги, крапива покорно гибла от рук садоводов. И постепенно о тех необъяснимых событиях забыли – на подходе были новые.

На память

Так получилось, что Юлька по прозвищу Юки впервые приехала на дачу во Вьюрках почти уже взрослой, четырнадцатилетней. Дачное детство с круглосуточным катанием на велосипедах, заклятыми подружками и секретными лесными шалашами просвистело мимо. Летом Юлька изредка ездила с родителями на море, а в основном сидела в городе, точнее – в Интернете, где и обзавелась никнеймом Юки, который изо всех сил старалась перетащить в реальную жизнь. И, возможно, именно из-за отсутствия ежегодного курса дачной социализации Юки была, как мама с огорчением говорила, «вся такая сама по себе», свободное время просиживала, уткнувшись носом то в ноутбук с фильмом, то в книжку, что совсем уже странно для ее поколения. Больше всего на свете Юки любила грызть что-нибудь и ужасаться, желательно – одновременно. Вот и увлеклась она всякой мистикой-эзотерикой, а в тринадцать лет, окончательно убедившись в наличии у себя ведьмовского дара, покрасилась в радикальный черный. Чем ужаснула уже родителей, но что делать – возраст такой.

А все потому, что прежде дачей владела Юлькина бабушка, имевшая среди родни репутацию не то чтобы Бабы-яги, но Снежной королевы точно: живет где-то далеко, одна, плетет, по достоверным слухам, козни и интриги против всех сразу, и лучше к ней не соваться. Тем более что она никого близко и не подпускает – бабушка тоже была «вся такая сама по себе».

Потом с бабушкой случилась обычная в таких делах история – постарела в одночасье, сдала позиции, потеряла свою ледяную твердость, заочно Юки восхищавшую, и завещала вьюрковскую дачу сыну-недотепе и его стерве. Это, получается, Юкиным папе с мамой. Завещала – и через пару месяцев умерла. Люди вообще сплошь и рядом умирают сразу же после того, как напишут завещание, – это Юки уже давно по фильмам заметила. Жаль, что их никто не предупреждает о такой опасности.

Так что впервые Юки увидела легендарную дачу в поселке с элегическим названием Вьюрки, на которую все семейство облизывалось, только после бабушкиной смерти. И обнаружила, что ничего тут особенного нет. Да, ценимые взрослыми лес, река и близость к городу действительно присутствовали. Грибы, купание, уныние, тлен. Заросший участок, перекосившийся старый дом, деловито катающиеся по полу мыши, какие-то кастрюльки, баночки,

заскорузлые тряпочки, коротконогие столики-скамеечки – все для старческого дачного удобства. И везде – буйный плющ, который, видно, специально не укрощали, чтобы он затянул все неприглядное. Плющ Юки понравился – он так густо оплетал потемневшие стены дачи, и пристройки, и забор, что при желании можно было представить, будто перед тобой не дача покойной бабушки, а старинное поместье, населенное, разумеется, сотканными из холодного тумана призраками. Зачем вообще оставлять дом семейству наследников, если в нем не найдется даже самого завалящего полтергейста?

Приехав сюда ранней весной и увидев еще безжизненные плети, под многолетней тяжестью которых даже забор заваливался, Юки вытащила один наушник и громко, чтобы родители слышали, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bobyleva_dar-ya/v-yurki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити